

Александр Холин

ПОСЛЕДЫШ

Александр Холин

Последыш

«Автор»

2015

Холин А. В.

Последыш / А. В. Холин — «Автор», 2015

Эта книга вовсе не продолжение романа «Ослиная Шура», хотя главная героиня здесь – дочь Ослиной Шуры. Её, как и маму, зовут Александрой. Девочка при помощи своего друга познаёт перемещение во времени. Путешественник может переселиться в тело двойника, живущего в другой эпохе. В Средних веках двойник героини – молодая жена барона Жилия де Рэ, носящего прозвище Синяя Борода. Шура через двойняшку знакомится с колдовскими мистериями, которыми увлекался барон и помогает двойняшке избежать дьявольского пленения. С помощью машины времени она попадает в тело ещё одного двойника – монаха религии Бон По и узнаёт, что на земле уже была цивилизация. Но самая важная задача – помочь справиться с тёмными силами болярыне Морозовой, которая тоже оказалась одной из временных двойняшек Александры.

© Холин А. В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Холин

Последыш

Высшая нравственность – это жертва своей личностью в пользу коллектива. Высшая безнравственность – это когда коллектив жертвует личностью в пользу себя самого.

М.М.Пришвин

Любой из нас приходит в этот мир искателем истины и, как правило, боится ухода в другой мир, потому что не знает, как отнесутся потомки к его исканиям и примут ли за истину то, что удалось найти.
Искатель Истины Божьей

Глава 1

Кто сказал, что осень – пышное природы увяданье? Чепуха. Не увяданье и не кончина – просто иная форма жизни. Как в человеке присутствует тысяча ипостасей, так и в природе не бывает дня без ночи, ясного весеннего солнышка без штормового предупреждения. Ладно бы, ежели только предупреждения, а то обычно сваливается на голову нечто такое, от чего бывает ни вздохнуть, ни охнуть.

Человек, бедненький, никак не может смириться с тем, что он вовсе не царь и не пуп земли, а всего лишь крошечный осколок Природы. Причем, не лучшее её произведение. Царем удобно себя величать для удовлетворенья мелкого утробного тщеславия и для того, чтобы безнаказанно гадить в чужом саду. А что? – кто против царя-батюшки?! Навряд ли найдётся охотник с царём повоевать. Вот только сама Природа иногда на тропу войны выходит. И мстит разбуянившемуся человеку-недорослю неожиданными землетрясениями, бурями, невесть откуда взявшимися тайфунами, смерчами и торнадо начиная со страны Восходящего Солнца и кончая сумеречной Америкой. Словно собака отряхивается Земля после купания, стараясь сбросить с себя множество поселившихся на её шкуре мелких кусачих блох. Что тут делать?

Октябрьские листья нехотя срывались с веток, но, почувствовав волю и сказочное очарование Сокольников, принимались танцевать на невидимых сполохах воздуха, увёртываясь от Шурочкиной ладошки, и только изредка цепляясь за копну её чудных коротких волос, которые разлохматились на улице и стали похожи на пепельно-чёрную щетину дикобраза.

Меж расшалившимися осенними листьями ярко высвечивались солнечные лучики, создавая волшебную световую паутину, окружавшую девочку солнечным шариком своих забот и сочувствий. Собственно, сочувствовать было нечему, потому как юные создания избавлены ангелами от тяжких дум и воспоминаний о грядущей печально-радостной памяти жизни, которая в свою очередь не забывает своих насельников и постоянно дарит им разные случаи, превращающиеся в воспоминания.

За пепельным Млечным путём
дорога моя в бесконечность.
...но всё это будет потом,
а здесь только свет, только вечность.

Да, вечность состоит, конечно, из света! Шура в этом нисколько не сомневалась. На земле никогда не знали бы, что такое свет, кабы не возникающие вездe и всюду мрачные необузданные тени очень часто прикидывающиеся весёлыми, ласковыми, даже нежными. Но такие ли

они мрачные, какими видятся на первый взгляд? Ведь и от света может быть испытание жёсткостью, необузданной жестокостью и мучением. Тогда человек под чувством самосохранения может спрятать голову в песок, как страус. Разве не так?

В стародавние, может быть, сказочные времена, люди с малых лет безошибочно различали три состояния обычной жизни. Их тогда знали: явь, навь и правь. В них постоянную войну вели две силы. Высшие ангелы, хотя и были Божьими зеркалами, отражающими Свет Господень, но божествами всё же не были. Потом Потусторонний мир погрузился во вселенскую печаль – битву меж высшими силами за Тщеславие, Гордыню и за Чистоту Разума.

Поверженный Денница был сброшен в бездну вместе с сонмами ангелов, так же поверженных гордыней, и достиг её дна, называвшегося Земной Поверхностью.

Вместе с новым царством он получил и новое имя – Сатана, что на человеческом языке значит – враг Рода. Кроме этого к нему прилипло ненавязчивое прозвище – Обезьяна Бога. И всё потому, что Сатана ничего не мог изобрести, придумать, а тем более сотворить сам, то есть стать настоящим Творцом по своей сообразительности и умению. Только вот украсть у Всевышнего какую-нибудь заваливающую мыслишку и выдать её за свою – это считалось наивысшей возможностью заявить о себе. То есть таким непреходящим кайфом, пригубив которого, отказаться от пакостей было просто невозможно.

Силы, следовавшие за ним, превратились в демонов. Но на поле неутихающей битвы присутствовала также третья сила, не принимавшая участие в сражении за тщеславие или гордыню. Эти ангелы – Адрамелик, Ариэль, Ариок и Рамиэль – за свою нелюбовь к агрессии получили название серых и были отправлены на существование меж небом и землёй.

Всё предметы видимые и невидимые берут своё начало оттого, что существует, а вещам или ангелам несуществующим невозможно стать сущими. Каждый ангел в этом мире совершил, совершает и будет делать то, что ему было предопределено по его силе и свету. Так было определено Всевышним. И на пустой земле родились твари четвероногие, твари ползучие, твари водные, крылатые, зерно плодотворное, сочная трава, ростки цветов. И всё имеет в себе семя возрождения. Всякая видимость и живность сотворена, ибо она напечатана в пространстве, как снимок на листе фотобумаги.

Но невидимость есть всегда, особенно для людей. Любая невидимость существует, не нуждаясь в своём проявлении, веришь ты в неё или нет. Любой невидимый ангел существует, но далеко не каждый делает для людей вещи видимыми или невидимыми. Просто ангелы не спешат к бурному общению с родом человеческим.

Чаще всего у ангела проблема только в том, на что из предложенных вещей или действий обратит внимание человек? Ему всё же решать, какой путь избрать, а от какого отказаться. Вот тут опять две силы вступают в единоборство и перетягивают человеческое сознание каждая на себя. Ведь остались же в этом мире две силы: свет и тень, ночь и день. Это существует по сей день и будет существовать до скончания веков, но от последней битвы их пока оберегает третья сила...

Две стороны одной медали, две ипостаси мирской жизни, два камня преткновения, два враждующих могущества... и третье – буферное, принимающее всё на себя и, по сути, не дающее разрушиться этому миру.

«Два камня преткновения, равно опасных, вечно будут представлять перед вами. Один пограл бы священные права каждого человека. Это – злоупотребление властью, возложенной на вас Богом; другой, обрётший бы вас на погибель, – неблагоразумие... Оба они рождены от одной матери, оба обязаны своим существованием гордыне и тщеславию.

Человеческая слабость вскармливает их; они слепы, ведомые своей матерью. С её помощью два этих монстра заражают своим зловонным дыханием даже сердца Божьих избранников. Горе тому, кто злоупотребляет дарами небес в угоду своим страстям. Рука Всемогущая, подчинившая человеку стихии, надломит его, словно тростинку. Вечность мучений едва ли

искупит его злодеяние. И адские духи будут насмехаться над слезами того, чей грозный глас столь часто приводил их в трепет в лоне огненных глубин».¹

Эти строчки из написанного когда-то в древние времена мистиком, раздвинувшим грани истории, графом Сен-Жерменом врезались в память Шуручки, и сами превратились в камень преткновения. Если везде во всём и всегда видеть только опасность, то стоит ли существовать ради выживания в трудных условиях? Или выжить для того, чтобы подчиниться страстям? Но «рука Всемогущая... надломит...» А Всевышний никогда не наказывает своих сынов, как вещают и стараются это доказать людям древние мудрецы. Или они всё же ошибаются?

Саша стяхнула с головы неизвестно почему запутавшийся в волосах кленовый лист, ведь заблудиться в короткой девичьей причёске довольно трудно, тем более не совсем маленькому, покрасневшему от стыда, опавшему с клёна листочку. Просто отпадшему, видимо, очень понравились чёрные девичьи лохмы с модным милированием, потому как красно-жёлтое на блондинисто-чёрном хорошо смотрится. А выглядеть благородным красавцем даже на склоне жизни никому не помешает. Собственно, почему «склон жизни»? Кто сказал, что – пышное природы увяданье? Ну вот, воображение без конца возвращается к исходным темам – sor lemahela haschar² – как любили утверждать древние евреи.

Шура давно знала, что ей не очень-то идет укороченная причёска, однако всегда упрямо постригалась, чуть ли не «под мальчика», наивно полагая, что чем неприглядней она станет выглядеть, тем меньше будут приставать сверстники, у большинства из которых на уме кроме электроники, нотиков, компьютерных игр и победы НТР за душой ничего нет. А о девчонках и говорить не приходится. Буквально все молоденькие укороченными признавали только юбочки, да ещё с заниженными талиями, так что одёжка на модницах едва прикрывала гени-талиии. И хорошо, если не совсем заниженные. Но так было модно, а против моды не попрёшь. Чего уж тут говорить о причёсках!

И всё-таки с причёской девчушка устроила бунт среди сверстниц, которые старались носить длинные и очень длинные волосы, возвращаясь к хорошо забытому – «коса до пояса». Что поделалась: очередная дань очередной моде.

А Саша решила быть хоть в чём-то непохожей на толпу остальных. Ведь когда человек поддаётся психозу толпы, он сам сразу становится бараном, хоть до конца жизни, пожалуй, будет считать себя личностью. Впрочем, личностью Саша была от рождения, что всегда отражалось в её философских задумках и революционных выпадах против быдловатой толпы, без которой она, в сущности, не могла быть ни личностью, ни человеком, никем.

В чьих глазах личностью стал бы, скажем, Робинзон, не будь у него козы, Пятницы и попугая? Но войны с толпой необходимы как воздух. Именно из-за таких вот афронтв иногда откровенно не нравящихся всем без исключения окружающим, девочку с младенческого возраста считали попросту белой вороной, уроженкой чужой стаи. Но разве она была чужой? Чужой можно назвать какую-нибудь сороку, подкидывающую яйцо в не своё гнездо. Чужим может быть и ягнёнок, прибившийся к стае хищников и читающий волкам лекцию о пользе вегетарианской пищи.

Чужим может быть и человек, готовый ради удовлетворения собственных нужд лишить жизни всех без исключения. Но лишить жизни – одно, ещё хуже – откровенное предательство, когда всаживают нож в спину не за идею или смысл, а ради собственного удовольствия.

Так, преданная жизнью и судьбой, погибла её мама. Тем более что мамочка когда-то была художницей, написавшей знаменитую икону «Богородица, воскрешающая Русь». Говорят, из-за этого и погибла.

¹ St.Germain, «La Tres Sainte Trinosophie» – единственная копия уничтоженного оригинала рукописи Сен-Жермена. Хранится в архиве центральной библиотеки Труда в Париже.

² Sor lemahela haschar (др. евр.) – возвратись певец к началу.

Её тоже звали Шурочкой, но мамина судьба осталась тайной за семью печатями, поскольку с бабушкой, то есть со своей мамой, она виделась крайне редко и в свои дела никого не посвящала. Об отце девочки мама-Шура поведала бабушке только после конкретного наезда. И хотя Саша совсем не знала, не помнила маму, всё же врождённое женское любопытство нет-нет, да и поскрёбывало где-то на окраине души: что же случилось с мамой-Шурой? На каком краю Ойкумены живёт Богородица, с которой писался портрет, то есть икона? И почему мамочка была именно Шурой, а не Сашей или Александрой?

Бабушке нравилось это имя: она чуть ли не из роддома забрала внучку к себе на воспитание, потому как считала, что упустила дочку и взялась за собственную реабилитацию, которая состояла в воспитательном процессе и решении внучкиных проблем путём безоговорочного подчинения.

И ещё, Шурочка не помнила мамы, потому что та отмахнулась от дочери не из ненависти, а просто чувствовала, что не может дать девочке хоть часть того света и любви к жизни, на которое способна бабушка. Но та, ругая внучку за какую-нибудь очередную шалость, всегда вставляла шпильку в нравоучения, мол, видно, чья дочка, чьё наследственное клеймо – посылает же Господь в этот мир таких дурёх!

Только Александра назло врагам, то есть бабушке, с гордостью носила то ли царскую печать, то ли рабскую отметину белой вороны. Лучше уж быть такой, чем овцой в блеющем стаде! Во всяком случае, укороченные волосы помогут ей сделаться некрасивой – думала девочка. А чем непригляднее она будет выглядеть, тем меньше станут приставать мальчишки. К сожалению, со сверстниками она никак не могла найти общий язык – то ли девочка была действительно умна не по годам, то ли до сих пор попадались не лучшие особи мужского пола.

Может быть, на Сашеньку действительно обращали меньше внимания из-за непохожести на остальных, кто знает, а, скорее, наоборот. Но ей до сих пор легко удавалось избегать «нужных» связей и «необходимых» знакомств, на коих до сих пор зиждется мир и без которых трудно добиться хоть что-то.

Размышляя на ходу, Саша сама не заметила, как на «автопилоте» выгребла из Сокольников, собираясь возле церкви «Знамение Божьей Матери» повернуть в Песочный переулок. Сразу вспомнилась позавчерашнее приключение, случившееся с ней прямо на этом месте.

Из-за угла, откуда ни возьмись, налетел ураган. Даже не просто ураган, а цунами, тайфун и смерч в одном лице. Шурочку обхватило сильными лапами какое-то чудовище. Подколенный дракон, зажал её в когтях, стараясь задушить ни в чём не повинную девочку. Тут рядом раздался топот ног и мальчишеские голоса:

– Вот! Вот он!

– Ты чё, пургомёт! Это влюблённые! Он рванул в Сокольники! Уйти может!

Топот ног раздался снова и скоро слился с шумом проезжающих мимо парка легковых автомобилей. Зато Шура почувствовала, что её отпускают из цепких железных объятий и что её кто-то... целует?! Да, целует!

Почувствовав слабость объятий, Саша рванулась и с размаху ударилась спиной о церковный забор. Перед ней стоял парень в джинсовке, вовсе не похожий на бандита и насильника. Хотя кто его знает, во что подлец может вырядиться? На то он и подлец.

Шура демонстративно достала из кармана курточки носовой платок и усиленно принялась вытирать облизанные губы. Хотя... хотя не такие уж они были и облизанные. Наверно, целоваться умеет. Вон он, стоит рядом, собачий сын, и никуда не убегает. Одет с иголочки – пусть в джинсовку, но зато «Lucky strays», а это последний писк. Да и сотовый телефон у него на груди болтается с крутыми наворотами.

Такой клёвый мальчик на бомжару явно не тянет. Но чего налетел-то? Или в его головке маньячит что-то сексуальное? Вон и бровь чуть-чуть рассечена, даже струйка крови по скуле

протянулась. Но под глазом фонаря не ожидается, и это хорошо. Шура пока что не пришла ни к какому выводу, поэтому просто помалкивала, разглядывая и оценивая налетевшего.

– Слушай, ты извини, конечно, – наконец выдавил он.

– Тебе в грызальник сразу или притормозить? – отозвалась Шура скромным металлическим голоском. – Добавить в глазик?

Парень почему-то ступешался, ничуть не походя на экстремала, каким казался только что. На его щеках ещё ни разу не познакомившихся с бритвой выступил детский румянец. Настоящий. И взгляда он не отвёл, подыскивая достоверные слова оправдания, но ничего толкового на ум ему не приходило.

– Слушай, – он принялся торопливо вразумлять Шуру, – я дико извиняюсь и всё объясню чуть позже. А сейчас давай-ка, свалим, а то погнавшиеся за мной «козлевики» могут вернуться.

Парень протянул руку. Девушка, ничуть не испугалась, но сначала решила промокнуть своим носовым платком чуть раздавленную «козлевицами» физиономию нового знакомого.

Саша и сама не ожидала от себя такой щедрости, только этот парень был явно из её стаи, иначе не вляпался бы ни в какие бандитские погони. Вытерев струйку крови, Шурочка просто улыбнулась парню и взяла его под руку. Парочка, в этот раз действительно похожая на влюблённых, пошла в сторону улицы Маленковской.

– Спасибо тебе, – возвратился к извинениям парень. – Я действительно благодарен, потому что в непонятку чуть не угодил.

– Что так? – покосилась на него Шура.

– Да вот так, связался с хакерами, которые в электронных программах рубят, как девочки в шоколаде, – парень тоже покосился на Сашу, но продолжил. – Так вот. Я им обещал книгу в обмен на хакерскую программу и немного не сошлись во мнениях.

Просто они думали, что я им раритетный фолиант притащу, а я обычную книгу, но такую тоже не на каждом углу купить можно. Жалко пропала.

– Считаю, что пожертвовал книгу ради знакомства со мной, – усмехнулась Шура. – Тебя как зовут-то, беглец?

– Точно! Жертва во имя знакомства. Я и сам не знаю, откуда в голову взбрело, чтобы изобразить целующихся влюблённых, – обрадовался парень. – Но получилось клёво! Отрывной вариант! А зовут меня Тришей.

– Тришей?! – захохотала Шурочка. – Вот здорово!

– Тришка, – растерялся тот. – Иннокентий значит. Имя не современное, но очень красивое. Родители угадали мой вкус. Тебя имя развеселило?

– Нет, – всё ещё смеялась Саша. – Просто у меня уже есть один знакомый – твой тёзка, которому тоже нравится устаревшее имя. Скажи лучше, ты интересуешься книгами?

– А ты против? – набычился парень.

– Нет. Но я не представляю, как это увязывается с современной электроникой? – улыбнулась Сашенька. Во всяком случае, она очень была рада, что сразу причислила нового знакомого к своей стае. Так оно и оказалось.

Позавчера парень ничего толкового в оправдание больше не придумал, лишь обещал всё объяснить и просил позвонить, а Саша ничуть не дорожила его визиткой. Конечно же, номер телефона потерялся. Почему она всё-таки вспомнила это мимолетное проходное приключение? Да потому, что парень интересовался книгами, а это по нынешним временам большая редкость. Самая читающая в мире страна вдруг перестала читать!

Никто уже давно не листает печатные книги, а на раритетных последователей старого прочтения книг посматривают с усмешкой, даже преследуют иногда с откровенными пожеланиями «набить морду». За что? За то, что человек любит читать, а не скачивать знание из программных узлов памяти?

Всё-таки любопытных и мыслящих самостоятельно осталось на земле очень мало. Такой парень явно заслуживал внимания. Может быть, стоило всё же позвонить ему? Тем более, мальчик умеет классно целоваться. И глаза. У него были необыкновенные глаза! Недаром же с самых давних времён люди утверждают, что заглянув в глаза, поймёшь душу человека. А у этого парня глаза были глубокие и какие-то зеркальные. Там Шура отражалась полностью, но такая маленькая и далёкая, что, казалось, из духовного Зазеркалья выглядывает какая-то другая девочка.

Зазеркальные страсти всегда захлестывали, обвораживали, пленяли человечество во все времена. Саша вспомнила позавчерашний случай мимоходом, скорее всего из-за того, что её несостоявшийся новый знакомый тоже не принадлежал к послушному овечьему стаду. Только под топор судьбы чаще всего попадали жители овечьего стада, а Шура числилась всё-таки в белых воронах. Нельзя сказать, что вороны никогда не пробовали увесистых молотков Фортуны. Конечно да! Только такие проколы всегда и всюду выглядели помпезно, на худой конец, героически. Именно это влекло за собой непредвиденное развитие её умственных и эмпирических способностей, что, несомненно, привлекало окружающих. Девочка ещё не знала, что особи мужского пола любят заводить романы с умными представительницами женского клана, но замуж берут только недалёких по умственному развитию и послушных овечек. Впрочем, эта тема человеческой жизни её пока что не интересовала.

На лицо был древний страусовый трюк, когда испуганная птица прятала голову в песок и считала, что её никто не видит. А наша белая ворона, то есть белый страус, от внимания окружающих никак не мог избавиться. Девочка мечтала иногда даже о каком-нибудь заваленном необитаемом острове, где можно стряхнуть с обуви пыль общения с неандертальцами-архантропами³ высшей пробы и побыть там хоть немного тем самым Робинзоном, королём самому себе, которого не заботили быт и отношение окружающих.

Только одиночество на необитаемом острове оказалось бы для девочки пыткой пострашнее, чем у средневековых палачей-выдумщиков. Ведь ничего нет отвратнее, когда среди толпы оказываешься один-одинёшенек, когда на простое человеческое желание поделиться хоть с кем-то своими пусть даже не нужными мыслями, видишь в чужих глазах, пренебрежение или, в лучшем случае, удивление, переходящее в сакральную ненависть. А за что? За то, что ищешь среди разношерстной безликой толпы свою половину, способную понять, откликнуться или просто хотя бы выслушать?

Ведь никакая птица не может летать на одном крыле! День никогда не бывает без ночи, а Солнце без Луны! Даже Господь наш когда-то сказал, что «...где двое собрались во имя Мое, там и Я меж ними». Значит, чтобы жить с Богом, надо хотя бы уметь делиться с кем-то своими мыслями, делами, соображениями. Пусть среди толпы архантропов, пусть в хороводе похабных улыбочек и сальных замечаний, но чтобы тот, рядом, мог слышать и слушать! И помочь не обращать внимания на дебилскую толпу! Саша искренне верила своим умозаключениям, как в панацею от процессов технократии и умственного подчинения компьютерам.

Всей этой, поголовно принятой и ставшей законом компьютеризации, Шура предпочитала провести час-другой наедине с книгой. Похоже, что её новый знакомый тоже был подвержен этой страсти. Собственно, книга, как предмет, стала неуклонно исчезать из обихода. Не совсем, конечно. Раритетные издания оценивались даже очень высоко, но только на глубоком чёрном рынке, с которым судьба столкнула её нового знакомца. Ах, нет! Уже незнакомца. Как странно происходят встречи и разлуки.

И всё же, наша героиня нет-нет, да и притаскивала домой самые настоящие книги, пахнущие стариной, пылью и чем-то необъяснимо таинственным. Никакому будущему, пусть даже

³ Архантроп – (хомо-сапиенс неандерталиенс – пращур архантропа), обладает инстинктом алчного хищника, самой упрощённой речью и врождённым стремлением к убийству ради убийства.

несущему с собой великосветское безделье всем желающим, не зачеркнуть фундамента всей сущности человеческой жизни, всей истории человечества, без которой не было бы никакого будущего. Очень хорошо, что наша генетическая память не теряет артефактов прошлого, иначе человек мигом превратился бы в Ивана-непомнящего, Дегенерата с большой буквы. Но что такое человеческая жизнь?

Спешишь на свидание с теми,
кто смолк под давлением лет?
...жизнь – это прошедшее время,
где места грядущему нет.

Шура давно знала, что человек состоит из того, что он может в этой жизни. Но чтобы всё-таки хоть что-то смочь, каждый должен отворить хотя бы одну дверь. Рано или поздно – дверь предлагается всякому, а если ты открыл её, то сможешь ли закрыть? Этот постулат девочка вывела для себя давно, и сегодня что-то в её жизни должно было произойти. Вполне возможно, перед ней возникнет дилемма: открывать или не открывать предложенную дверь.

Эти мысли притаились в голове тоже не случайно, ведь случайностей в мире не бывает. Просто ночью ей приснился странный сон. Шура давно уже относилась к сновидениям очень серьёзно, потому что с детства сначала даже путала сны с реальностью. Иногда к ней ночью приходили какие-то люди, делали подарки, рассказывали что-то интересное, тем самым, обучая жить. Когда же девочка просыпалась, то ни людей, ни подарков в комнате уже не было. Но всегда оставались их рассказы, их советы – как поступить, что делать, к чему относиться либо серьёзно, либо не очень.

Сегодняшний сон был для неё каким-то откровением, и никто ещё не успел объяснить девочке приснившиеся страсти. А привиделось вот что: Своды базальтовых пещер нависали над её головой, чуть ли не касаясь макушки. Сашенька проходила через пещерную анфиладу и чем дальше шла, тем пещеры становились просторнее. Куда бы девочка ни ступила – сразу же вспыхивал яркий, но не ядовитый свет. Сталактиты, свешивающиеся с потолка, и сталагмиты, растущие из пола, играли этим светом, раздробляя его на миллионы радужных искорок, разбегающихся по стенам маревом бенгальских огней.

Наконец Шура дошла до последней тупиковой пещеры. Дальше хода не было. Всё же лучше бы сюда она вообще не заходила даже во сне, потому как в пещере было разбросано множество мужских скелетов. Вернее, даже не разбросано, а сложено аккуратными рядами. Мужское происхождение скелетов выдавали не снятые с них кольчуги, щиты и мечи. Вероятно, это была братская могила воинов, павших в бою.

Но девочку больше всего поразили не ряды скелетов, а лежащая меж ними ещё не совсем истлевшая молоденькая девушка. Лицо девушки было спокойным, даже каким-то умиротворённым. Правой рукой она сжимала ничуть не сгнившее настоящее наливное яблочко, только рука оказалась отсечённой, а ниже пояса туловище вовсе отсутствовало. Тело убитой ещё не подверглось разложению, но тяжёлый запах крови поселился в пещерах давно, возможно ещё до появления здесь не только девушки, а и её предшественников – воинов в броне.

Не удивительно, что Шурочка пришла в ужас от увиденной во сне разрубленной пополам девушки и от смрадного трупного запаха, проникающего в самые отдалённые уголки подземелья. А сон ли это был? К счастью, видение продолжалось недолго. Девочка очнулась и никаких порубленных богатырей возле себя не обнаружила. Не было также и ополовиненного трупа девушки. Только по спине Шуры вдруг забегали колючие мурашки, и лоб покрылся холодной испариной, потому что та самая генетическая память сохранила пещерный запах крови.

Анализируя сон, девочка невольно поёжилась: приснившееся стало проясняться. Будто сквозь туман проглядывали могучие сосны, которые никакой туман скрыть не в силах. Ведь

там, в пещерной могиле, лежала она сама, рассечённая пополам! Только сейчас до Сашенькиного сознания дошло, что располовиненная девушка, с зажатым в руке кубком, как две капли воды была похожа на неё, будто бы была её двойняшкой или клонированным существом!

Тут стоило призадуматься – откуда такой сон и сон ли это? С другой стороны Шура никак не могла оказаться в компании воинов, сложивших головы за миллионы лет в прошлом. Ведь никогда не может прошлое переплетаться с будущим. У всех своё время, своя жизнь и свои двери, которые необходимо когда-то и зачем-то открыть. А необходимо ли?

Ведь даже Сын Божий однажды сказал: «Судите Меня по делам Моим». Значит, любой человек состоит только из своих поступков, а не из умных мыслей или, скажем, одежды и денег.

Стоит вспомнить, что когда-то Диоген, впервые столкнувшись с Александром Македонским, на вопрос: – Что я для тебя могу сделать? – ответил очень просто: – Не загораживай мне солнце.

Диоген загорал на пляже. А, может, он размышлял там о чём-то своём очень важном и не всегда нужном? Всё же его слова произвели на Александра Македонского такое потрясающее впечатление, что он не нашёлся ничего ответить, кроме:

– Диоген, ты воистину величайший мыслитель! Я хотел бы разделить с тобой все мудрые размышления под солнцем и постигнуть твои учения.

– Бросай свои дела, заботу, даже одежду и ложись рядом. Берег моря большой, песка много, – мудрец жестом показал на пляж.

– Спасибо за предложение, – ответил Александр. – Только мне песок не нужен, оставь его себе. Сейчас необходимо закончить завоевание Индии и Азии. Тогда я вернусь, и остаток дней своих мы проведём в философских беседах.

– Ты никогда не вернёшься, – усмехнулся Диоген... – Человек, откладывающий решение дел на потом, на будущий понедельник, никогда не придёт и не разделит со мной песчаный берег, а будущий понедельник так и останется в будущем. Делать что-нибудь мудрое – это не для него.

Если живёшь в настоящем,
будущему не лги.
Всё легковесно, скользяще,
словно мерцанье пурги.

Так и жизнь современников: если человек живёт будущим, не помня, откуда он, и для чего послан в этот мир, то все дела пойдут прахом. Человеческие поступки наглядно прослеживаются по тем же завоеваниям Александра Великого. Великой от него осталась только память, но и та понемногу убывает с веками. Если спросить у современных старшеклассников: кто такой Македонский? – то непременно ответят, что был-де такой царём древней Англии, Сионистских Штатов Америки или же знаменитым солистом попсовой группы в том же доисторическом двадцатом веке из театра Аллы Пугачёвой.

Кстати, ещё и поэтому Александра избегала общения со сверстниками. Ей очень не хотелось бы выглядеть среди сверстников исторической бездарью. А в молодёжных компаниях выглядеть бездарью, плюющей на науку, было сейчас модно. У Саши со всякими сражениями и сопротивлениями современным правилам поведения получалось из рук вон плохо, но случилось какой ни на есть защитой отвоёванных территорий.

Бабушка, не обращала внимания на чудачества внучки, все списывала на переходный возраст. А девочке только того и надо было. Забравшись с книгой на диван, она вся отдавалась чтению старинных фолиантов, Но в своё святая святых старалась не допускать никого, поэтому, когда она проходила обязательный курс обучения, и позже, мало кто знал о её странном увлечении книгами. Напрасно ли, нет ли, сторонила она сверстников, но даже своё совершен-

нолетие встретила одна, не приглашая ни старых, ни новых знакомых, не ожидая никого «на огонёк». Дома не было даже бабушки, которую медики заставили срочным порядком пройти санаторное облучение против каких-то там сердечных болячек.

Всё происходило в довольно тёплой обстановке, где в комнате именинницы собрались многие уважаемые и не очень (но знаменитые) люди всех эпох и народов. За праздничным столом развалились на стульях исторические коммунисты Карл Маркс, Дидро, Ларошфуко и Вовенарг. По одну сторону от них тоже довольно вольготно разместились Марк Твен, Гейне и Абу Али Хасан ибн Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина, а по другую жались кучкой Лермонтов, Дюма, Монтень, Ильин, братья Стругацкие и ещё некоторые совсем и не совсем известные деятели литературы.

Вся честная компания собралась по воле хозяйки, потому как она давно уж затащила в своё жилище портреты перечисленных деятелей. Теперь же все они громоздились на стульях вокруг праздничного стола, и каждый старался показаться перед Сашей гвоздём или хотя бы гвоздиком программы. А иначе, зачем же занимать место? Пока Саша оглядывала собравшихся и соображала – а на те ли места она всех рассадила – лохматый, как Бетховен во время творческого экстаза, Карл Маркс постучал вилок по графину с минеральной водой, чем привлёк всеобщее внимание.

– Собственно, собрались мы с вами, господа, здесь потому, чтобы отпраздновать совершеннолетие присутствующей меж нами девочки, которую с сегодняшнего дня можно официально называть женщиной. И не просто женщиной, а одним из наиболее развитых созданий половины всего человечества планеты⁴.

– Прошу не забывать, – хохотнул в унисон Дидро, – что женщины пьют льстивую ложь одним глотком, а горькую правду – каплями.

– Что вы имеете в виду, милейший? – накинулись на него сразу несколько человек. – Уж не будете ли вы утверждать, что никакой женщине не присущи искренность и правда, если она с удовольствием напивается ложью?

– Ну что вы! – отмахнулся тот. – Искренность есть мать правды, вывеска любого человека. Просто в разговоре не каждый к этому способен. Ведь говорят же: женщина любит ушами! Значит, самое большое в жизни для каждой – это великосветский разговор. Причём, каждая женщина часто прислушивается к советам даже совсем незнакомых, не говоря уже о подругах, гадалках, рекомендациях астрологов.

– Сколько лицемерия в людском обычае советоваться! – прервал его Франсуа де Ларошфуко. – Тот, кто просит совета, или та женщина, которая просто делает вид, что относится к мнению друга с почтительным вниманием, хотя в действительности ей нужно лишь, чтобы кто-то одобрил её поступки и взял на себя ответственность за них. Тот же, кто даёт советы, притворяется, будто платит за оказанное доверие пылкой и бескорыстной жадой услужить, тогда как, на самом деле, обычно рассчитывает извлечь таким путём какую-либо выгоду или снискать почёт.

– В разговоре, как в хирургии, – вставил ещё один собеседник, в котором без труда можно было узнать Андре Моруа, хотя на портрете он выглядел много лучше, чем в жизни. – В разговоре нужно действовать с величайшей осторожностью. Профессионалы на поприще искренности вторгаются скальпелем в дружбу и любовь, которые были до той операции совершенно здоровы, а от их вмешательства умирают.

Человек на секунду замолчал, но, видя, что один из собравшихся явно вознамерился возразить, взял со стола бокал с шампанским, сделал глоток, посмотрел содержимое бокала на свет и продолжил свою ясную, как ему казалось, мысль:

⁴ Здесь и далее представлены истинные высказывания знаменитостей.

– В советах, в искренности, вообще в разговорах нужно соблюдать меру даже с самыми близкими людьми. Говорить всё – это, значит, превращать в окончательный приговор то, что могло быть всего лишь минутным капризом. Это значит из пережаренного куска мяса, из-за мигрени или из-за грозы рисковать дружбой?!

Андре Моруа поставил бокал с шампанским на стол и из-под опущенных век осмотрел собеседников. Затем вынул из внутреннего кармана сюртука белый батистовый платок, и принялся протирать камни на своих многочисленных перстнях, украшающих руки. Этим он хотел подчеркнуть, что не намерен и никому не советует сомневаться в аксиомности⁵ высказанного.

– Мне кажется, каждый человек способен поддаться заблуждению, но из этого не стоит делать скоропалительных умозаключений, – задумчиво вставил Гёте. – Истина и заблуждение происходят из одного источника. Это так же верно, как и странно. Вот почему мы часто не имеем права уничтожать заблуждения, особенно у женщин. Ибо вместе с тем мы уничтожим истину.

– Вы так думаете? – улыбнулся Вольтер.

Он как Гёте и Моруа тоже был в сюртуке. Видимо, эта мужская одежда оставила Европе не только дань моде. Сюртук узаконил стиль жизни, потому как большинство собравшихся были именно в сюртуках. Из толпы остальных более всех выделялся, скорее, выделял себя Андре Моруа холодным поблескиванием перстней и толстой золотой цепью, конец которой был прикован к шикарному «Брегету». Вольтер равнодушно посмотрел на луковицу часов в ладони собеседника и повторил:

– Вы так думаете? В мире есть две истины: истина духа и истина факта. Истина у того, у кого в руке в нужный момент оказался меч, – истина того, кто, не дрогнув, встречает этот меч с поднятой головой. Один побеждает – второй непобедим. И эти две истины, каждая права и непобедима по-своему, никогда не сойдутся.

– Любая истина, господа, будь она в тысячу раз истиннее другой, место находит только в вине, – нетерпеливо перебил его до сих пор не принимавший участия в разговоре Джонсон. – Изречение *in vino veritas* может служить доводом только для тех, кто полагает, что все люди лжецы. Что же касается меня, то не хотел бы жить с человеком, который лжёт напропалую пока трезвый, и которого надо налить вином, чтобы вырвать у него слова истины. А никакая женщина не скажет, что она думает, на трезвую голову.

– Женщина пользуется истиной, пока она ей нужна и страстно хватается за ложь, если даже она совсем не нужна, или нужна только на мгновение, – снова вставил Гёте. – И это мгновение нужно только чтобы поразить других или соединить вещи, которые вечно были разделены между собой. В такой момент человек способен на предательство, но, предав самого себя, теряешь истину.

– Вот именно! – отозвался Иван Ильин. – Предательство, на мой взгляд, состоит в том, что человек внутренне, в своих сокровенных помыслах, чувствах, решениях или на тех же словах изменяет своему духовному принципу, не имея для того предметных оснований.

– И всё это женщина? – ибн Сина почесал макушку своего великолепного зелёного тюрбана, и по привычке сразу же взялся за эфес кинжала торчащего из-за пояса, усыпанного разноцветными камнями. – Истина и справедливость – вещи, которым склонен каждый человек. Абсолютная справедливость так же недостижима, как и абсолютная истина; но справедливый человек отличается от несправедливого своим стремлением к справедливости и надеждой достигнуть её, как правдивый от лживого – своей жаждой истины и верой в неё.

– Мы не из тех, которым кажется, что нет ничего истинного и справедливого, но из тех, которые утверждают, что ко всему истинному присоединено нечто ложное, – раздался утроб-

⁵ Аксиома – на требующая доказательств теорема.

ный голос из глубины комнаты. – И притом ложное настолько подобно истинному, что нет никакого признака для правильного суждения и принятия.

Все собравшиеся за столом разом оглянулись. Возле стены в арочной нише стояла небольшая, но истинно мраморная статуя Цицерона. Она-то и сообщила перемышляющим косточки в вине своё личное мнение об обсуждаемых предметах и личностях.

А Шурочке последний тезис понравился больше других и она, поймав мысль, словно рыбу на крючок, принялась примерять её ко всем случаям жизни и в первую очередь к своему женскому или женственному началу.

Признаться, эти, да и не только эти вопросы интересовали девочку уже давно, а теперь, наслушавшись наставников, и подавно. Но собравшихся стоило укорить в нетактичности, а то начали женщиной, а кончили ложной истиной! Это, по меньшей мере, выглядело одиозно. К тому же в заключение пирушки надо было непременно вставить благодарственное слово. Поэтому Сашенька встала из-за стола, обратив тем самым на себя внимание честной компании.

– Спасибо всем, кто счёл возможным явиться ко мне сегодня! – начала она надтреснутым голосом.

Выражаться так официально Шурочке вовсе не нравилось, но в такой мишпухе гнилой базар сразу прикнокают, так что выбирать не приходилось. Тем более что лексика – это ярчайшее зеркало человеческого сознания и развития. А Сашеньке очень хотелось, чтобы уважаемые гости поняли её, поэтому, постаравшись увильнуть от надтреснутости, она продолжила: Можно сказать, я – *the near future sooner than you think*, то есть ваше недалёкое будущее, а оно ближе, чем может показаться. Я знаю законы этого мира, знаю определённую общественную установку для определённой кучки сапиенсов, которые зачастую считают себя вправе навязывать свои установленные правила, скажем, каким-то проклятым аборигенам. При этом не берётся во внимание культура этих аборигенов, уклад ихнего личного общества, их развитие и мышление. Так что ваши законные очень правильные зарисовки – это всё несусветная «маниловщина».

К примеру, веками у каких-нибудь каннибалов принято было скушать сердце побеждённого врага, чтобы слить две разрозненные до сих пор силы в одну, чтобы не позволить погибнуть силе побеждённого, а подарить ей дальнейшее развитие, пусть даже в чужом теле. И тут являетесь вы, самовлюблённые и цивилизованные, чтобы поахать, поохать и насильственно отучить каннибала от поедания сердца побеждённого противника, типа «не можешь – поможем, не умеешь – научим, не хочешь – заставим».

Самое интересное, что этот людоед, будучи побеждён, очень был бы благодарен победителю за своё съеденное сердце, потому как тот дарует душе его дальнейшую жизнь. А это выше всяческих побед, умозаключений и цивилизованных всплесков ручонками с всенепременнейшими утробными «ахами».

Вы много о чём поведали мне сегодня, но ни один из вас ничего не сказал о любви. О настоящей немеркантильной альтруистической и Божественной любви к ближнему. Пусть даже не к каждому ближнему, потому что любить всех просто физически невозможно. Я говорю о любви к ближним – именно вам, самым ближним. Как раз ближние и не получают вашей любви никогда.

Именно никогда! – возвысила голос Саша, чтобы перекрыть цивильное возмущение, волной прокатившееся меж гостей. – Именно вы, могучие, правдивые, бесстрастные и дерзновенные, с младенческого возраста могли сказать только «Дай!», потому что это слово было у вас первым. Именно вы, пользуясь функциональными и моральными влияниями на традиционное общество, заставляете всех голосовать «единогласно». И указываете толпе баранов путь к «собственному» решению. А те потом принимают везде орать «Хайль!» или же «Виват!», подняв вверх указательный и средний палец как приветствие дьяволу, а на худой конец вопль «Нопасаран!» или «Хай живэ і процвэ свідома Укропія!» – тоже не помешает. И ни один из

вас, кузнецов человеческих душ, не обратил внимания на давно забытое потрёпанное слово Любовь.

Собственно, оно вами же потрёпано, потому что какая-нибудь сучка при случке с кобелем называет это не сексом, не траханьем, а любовью. И тут же вопит, мол, «Не виноватая я! Он сам в трусы залез!». Наверное, всё от переизбытка культурных чувств. И смею вам сказать, что те же современные каннибалы-архантропы всегда называют вещи своими именами, потому что у них другая культура и ложь с истиной, как сказал Цицерон, не составляют единое целое.

Вот почему никого из вас живьём я не хочу видеть. В таком варианте с вами и побеседовать, и отчитать вас можно. Но хорошего понемножечку.

Шура принялась собирать портреты из-за стола и, развешивая их по своим местам, подумала, что всё-таки очень вышло отлично, и никого из других соплеменников на банкете совершеннолетия не было.

Только бабушка ещё как-то умудрилась вспомнить о своей внучке и отметила, что эта внучка с сегодняшнего дня уже вовсе не ребёнок. Она вызвала её по санаторному скайпу ни свет, ни заря, обещая привезти кучу заграничных разных разностей, попутно давая ЦУ и поцелуи. Потом, то ли создавая утренний моцион, то ли просто развлекая девочку, принялась повторяться, вещая те же Ценные Указания, но уже в дуэте с лечащим врачом, который принёс извинения за задержку больной.

– Ваши извинения приняты, – кивнула Шура.

Ей уже порядком стал надоедать бессмысленный разговор. Впрочем, это длилось недолго. Любая международная связь могла бесперебойно проработать лишь несколько минут, потому что современная техника всегда остаётся и вполне возможно останется капризной, как молодая суфражистка неизвестно по каким соображениям ненавидящая мужчин.

Глава 2

Впрочем, нет, был у Сашеньки друг. Настоящий. Именно к нему она сейчас и шла. Знала: там ей рады в любое время и с другом всегда интересно, потому он и друг. И неважно, что друг старше на несколько десятков лет. Разве стоит обращать на это внимание когда настоящая дружба!

Что понимала девочка под «настоящей дружбой» – неизвестно. Известно другое: её привязанность к человеку иного мировоззрения, иной эпохи, иных мыслей и ценностей – есть та самая романтическая любовь, которую дети дарят только очень близким людям.

К родственным связям Саша была равнодушна, даже индифферентна, по той простой причине, что никогда не видела, почти не знала отца и матери. Неизвестно, был ли её отец таким же художником, как и мама, но мать Сашенька уважала хотя бы потому, что та удостоилась доверия Свыше написать икону «Богородица, воскрешающая Русь». Мало ли что мама девочки вела когда-то богемную безалаберную жизнь? Шурочка никогда не считала себя воистину «алаберной», видимо, мамины черты характера давали себя знать, так сказать, неизбежная наследственность.

И всё-таки Саша знала, что даже такой известный на Руси богомаз, как Андрей Рублёв, долгое время перед написанием иконы просто молчал, постился, молился и предавался одиночеству, очищаясь от суеты, словоблудия и разрушающих сознание страстей.

Как же удалось избавиться от суетной слякоти маме в этом расшатанном продажном мире? Может, помогла известность художника? Впрочем, знаменитым художником она стала только после того, как написала икону, а до этого какая могла быть известность? Разве что на творческом вернисаже в Измайлово за стаканом «Тройного рома». У матери путь к этому подвигу был долгий и кривой. Вероятно, никогда не бывает путей прямых, разве что в сказках, но далеко не во всех.

Ещё в ранней молодости мама «влетела», переспав после очередного сейшена с одним из своих то ли поклонников, то ли художников, то ли инкубов⁶ – разве поймёшь, кто они такие, зачем плодятся в этом мире и плодят себе подобных? А, может быть, мать попросила Бога дать ей ребёнка, чтобы было на кого сваливать совершённые в жизни глупости? Всё может быть. Только бабушка вовремя распознала беременность дочери и заставила не делать аборт, а родить ей внучку, дабы закончить жизненно важные воспитательные работы в этом мире.

«Час зачатья я помню не точно, значит, память моя однобока...» – вспомнила Сашенька песню Высоцкого. Хорошо, когда память о прошлом в человеке не умирает. Выходит, простой смертный не зря приходит в этот мир, не зря разрывает его на части и, пустив душу на бинты, перевязывает им же нанесённые земле раны.

– Стоп! – оборвала себя Сашенька. – Ведь именно этими мыслями позавчера делился с ней поцелуйный знакомый Тришка.

Да, и имя-то какое! Шура сначала не поверила, думала, треплется парень, тем более Тришка и Иннокентий – совсем разные имена, кажется. Но он так по-настоящему обиделся за Иннокентия, что девушке поневоле пришлось просить прощения. Одно успокаивало: Тришка не носил никакого кафтана, значит, идиома «Тришкин кафтан» к нему вовсе не подходила, а паспортное имя Иннокентий так и останется только в паспорте. Тришка – звучит более домашнему, по-хорошему, по-доброму.

⁶ Инкуб – (*инкубон, инкубоницус*, лат. *incubus*, от *incubare*, «возлежать сверху») – в средневековых легендах распутный демон, ищущий сексуальных связей с женщинами. Его также называют: *alb* (нем.), *duende* (исп.), *folleto* (итал.). Соответствующий ему демон, появляющийся перед мужчинами, называется *суккуб*. Демоны и духи природы, завидуя бессмертию человеческой души, стремятся дать такую душу своему потомству через союз с людьми.

Интересно, есть ли у Тришки девушка? Вспоминает ли он случайную знакомую или мимолётная встреча для него уже давно забыта? Вообще-то, ничего в жизни не случается просто так. Ведь мама когда-то познала настоящую любовь, вкусила от радости дарить эту радость кому-то ещё. Девочка мечтала сыграть рапсодию любви на самом тонком и удивительном инструменте космического пространства. Но удастся ли это? Шурочка пыталась убедить себя, что слово «любовь» для неё ничего не значит, хотя предмет любви присутствовал и занимал в сознание девушки самое главное место.

Этим предметом был взрослый мужчина, ничуть не отказывающийся от своего имени Иннокентий. Наоборот, если бы его кто-нибудь из знакомых назвал Тришкой, то Иннокентий Васильевич, вероятно, обиделся бы. А случайное сходство имён вначале просто позабавило Шурочку, но потом она принялась анализировать – ведь в жизни никогда ничего случайного не случается.

Каждый человек чуть ли не с первых шагов невольно ищет свой жизненный идеал, свой предмет любви. У девочки этим предметом оказался Иннокентий Васильевич Белецкий, человек сложной судьбы и взглядов, много видевший и переживший на своем веку. Он хорошо знал литературу, юриспруденцию, экономику, физику пространства и... и... Можно долго было бы перечислять различные области, в которых Иннокентий Васильевич был сведущ, но вряд ли это необходимо.

С Шурой он подружился довольно давно. Как всё началось, не помнили, скорее всего, оба. Важно, что отношения между ними были самые тёплые. Он также видел в Саше единственного человека, который понимал его, искренне любил и наполнял неуютную холостяцкую квартиру светом всеобъемлющей радости.

Звонок в дверь вывел его из задумчивости. Сашенька впорхнула в прихожую и стены, казалось, засветились изнутри, а по квартире пронёсся октябрьский тёплый ветер, рассеивая и переворачивая запахи сухой травы, бледного взлохмаченного солнца и лёгкой грусти. Хозяин с порога решил озадачить гостью:

– Добро пожаловать! И пусть те дамы,
Чьи ножки не страдают от мозолей,
Попляшут с нами!..⁷

– Ах, значит, у нас хорошее настроение и за мной будет ухаживать самый завидный кавалер Вероны? – спросила Саша, целуя Иннокентия Васильевича в щеку. – Ведь вы же Шекспира цитируете, или я ошибаюсь?

За годы общения она безошибочно научилась угадывать состояния души своего друга по самым неожиданным приметам, хотя обычно он был довольно сдержан со всеми без исключения.

Например, когда хозяин квартиры встречал её декламацией Шекспира, это означало, что ожидается литературный диспут, и она узнает много интересных и даже криптографических фактов о шекспировской эпохе, о поклонении рыцарей дамам сердца, о войне добра и зла среди пустынных кладбищенских эпох, и о многих других удивительных и таинственных случаях средневековья.

Иннокентий Васильевич был одним из немногих чудаков, кто ещё хранил книги и к электронным вариантам выражал чувственное презрение. Он-то и снабжал свою маленькую подружку настоящими раритетными книгами, как во времена уже уходящего в былое библиотечного периода. Вся его квартира была своеобразным музеем-библиотекой: для книг имелась отдельные полки, но они размещались где только можно.

⁷ В.Шекспир. «Ромео и Джульетта».

Особое место занимал в квартире письменный стол, выбравший себе уютный уголок в центре светлого эркера. Здесь, окружённый окнами, он грел свои лаковые бока из карельской берёзы под заглядывающим в библиотеку солнцем.

Возле этого массивного, можно сказать, монолитного сооружения примостилось глубокое кожаное кресло, строгий стул с высокой спинкой и сплетённое из лозы кресло-качалка. Собственно, кресло из лозы большую часть своей жизни проводило на балконе, и только с наступлением холодов перекачывало в кабинет.

Центр комнаты, а также и стены занимали многоярусные полки, забитые книгами.

Даже не просто книгами, а старинными фолиантами, многие из которых были написаны какими-то удивительными иероглифами, под стать колдовским шифrogramмам и символам.

Впрочем, книжные стеллажи у хозяина ничем не отличались от обычных библиотечных. Разве что ни в одной библиотеке не найдёшь полку, собранных из крепкого морёного дуба. В публичных библиотеках книги хранятся в лучшем случае на стеллажах, сколоченных из ДСП, а то и вовсе из металла. К тому же в государстве осталось очень мало библиотек в прямом смысле, потому что любой человек мог пользоваться библиотечной информацией прямо из дома, по видеоконференции.

С момента изобретения компьютера, книги стали понемногу исчезать из обихода землян. А с возникновением книжных файлов, когда десятки книг можно было прочитать за какой-нибудь час, они и вовсе стали не нужны. Содержание заносилось в файл, и когда кто-нибудь хотел «прочитать» книгу, то надевал на голову обруч, соединённый с домашним компьютером, нажимал клавишу Enterbook и по электронному коду содержание нужной книги из центрального архива планеты за несколько минут надиктовывалось прямо в мозг.

Многим новшество казалось верхом совершенства, чудом современной техники и науки, но у каждого чуда есть своя обратная сторона. Талант писателя, художника, музыканта стал вымирать в человеке, уступая место талантам механика-изобретателя – цивилизация всё более скатывалась на технический путь развития, который, в конечном счёте, являлся тупиком благополучия. Недаром, многие из деградантов пользовались модной летучей фразой, дескать, ты сначала накорми, напои меня, а уж потом можешь плясать, читать стихи и петь передо мной. Вполне возможно, что твои стихи, песни и музыка понравятся, если утроба зрителя окажется сыта и благодушна.

Иннокентий Васильевич был одним из немногих, кто обратил на это внимание и пытался воспрепятствовать засилью технократии. Но в учёном совете его вяло выслушали и отложили решение проблемы в долгий ящик. Тем более, что учёные Государства Российского давно потеряли престиж перед каннибально-архантропной Америкой. Более того, лучшие умы России трудились над узакониванием сокращения населения, ибо на планете имеют право существовать только американские архантропы. Остальные, не попавшие в Золотой миллиард, обязаны согласиться на эвтаназию, либо отработать разрешение на жизнь трудом на Сионистские Штаты Америки. В сущности, технократия уже стала необратимой, а человечество, опираясь на вездесущую помощь электроники, как на инвалидный костыль, все более деградировало и рабочих мест не хватало.

Так что наш герой проиграл сражение вследствие древнего непреложного закона: один в поле не воин. Всё шло своим чередом, всё было правильно в этом правильном евклидовом мире, даже принятие пищи получило особый порядок, который нарушать нельзя было ни в коем случае. В конце двадцатого века архантропы из США выдумали Генно-модифицированный организм для создания дешёвой пищи и добились распространения ГМО по всей планете. Население планеты вяло сопротивлялось, но, в конце концов, согласилось на искусственное изготовление продуктов питания, несмотря на то, что ГМО методически убивало в человеке живые клетки. Мыслители понимали, что искусственное питание несёт необратимую смерть всему человечеству, но уже не могли или не хотели останавливать глобальную катастрофу.

– Что нового узнаю я сегодня о вашем любимом Шекспире? – поинтересовалась Шуручка, отправляясь на кухню приготовить кофе.

– Всё, – Иннокентий Васильевич как обычно последовал за ней. – Сегодня Шекспир уехал из Лондона в свойственной Страдфорд-на-Эйвоне и через четыре года скоропостижно скончается.

– Вот как? – удивилась Саша.

– Да, детка, – кивнул её друг. – Но у нас время сколлапсировано, поэтому по нашему летоисчислению уход писателя из жизни произойдёт гораздо быстрее. Гораздо.

– Откуда вы это взяли? – пожалала плечами девочка. – Земля так же, как и миллионы лет назад, вращается вокруг нашего старенького солнца, так же происходит смена времён года. Даже конец времён, предсказанный индейцами майя, не произошёл. Всё осталось таким же.

– Всё да не всё, – хозяин квартиры задумчиво пожевал губами. Эта старческая привычка появилась у него совсем недавно, и он никак от неё не мог избавиться. – Ты, вероятно, слышала об искривлении и сжатии пространства?

– Конечно, – кивнула Шура.

– Со временем происходит то же самое, – продолжил Иннокентий Васильевич. – Практически это всего лишь особый вид материи или Четвёртое измерение. У времени есть длина, ширина, высота, глубина и удивительный встречный поток. Человек практически никогда не занимался изучением времени, хотя очень многим его попросту не хватает. Давным-давно я увлёкся проблемой времени и, когда понял простую зависимость всякой материи от явления коллапса, то смог построить машину времени. Впрочем, даже строить её не надо было. Пришлось просто собрать разные части разных изобретений средневекового прошлого и соединить...

Шура стояла у волновой кофеварки, открыв рот, слушала своего друга, веря и не веря своим ушам.

– У тебя кофе сбежал, красавица, – улыбнулся Иннокентий Васильевич. – Это недопустимо в кофеварении.

– А что ж вы?.. А где ж она?.. – Сашенька, наконец, справилась с кофеваркой, всё ещё недоверчиво поглядывая на собеседника.

– Здесь. Я тебе обязательно её покажу. Пойдем пить кофе.

Кабинет Иннокентия Васильевича мало чем отличался от остальных комнат. Так же по стенам до потолка стояли стеллажи книг, так же на старомодной мебели валялись кипы бумаг и папок, создавая живописный беспорядок и особую ауру квартиры.

Забираясь с ногами в глубокое кресло – как она всегда это делала – Шура настороженно наблюдала за хозяином кабинета, боясь, не кроется ли в его признании какой-нибудь подвох, и в то же время, чувствуя, что всё сказанное – правда. Это было заметно и по внешнему состоянию её друга. Левую, с проседью, бровь он обычно начинал хмурить при решении жизненно важных проблем, когда искал выход из затруднительного положения.

Наконец Иннокентий Васильевич перестал хмуриться, поставил чашку с недопитым кофе на массивный зелёного сукна письменный стол и остро глянул на девушку своими по-мальчишечьи дерзкими глазами.

– Всё-таки я не изменю решения, – произнес он вслух, отвечая, видимо, на поставленный самому себе вопрос. – Но тебе, детка, предварительно придётся выслушать небольшую лекцию по теории времени, чтобы понять меня.

– Я готова, – ответила та, всё более загораясь любопытством.

Друг девочки немного помолчал, собираясь с мыслями, потом взял со стола китайского болванчика на пружинке и поставил себе на ладонь.

– Видишь эту пружину? – Иннокентий Васильевич внимательно взглянул на гостью. – Сейчас она в свободном состоянии. Ты, конечно, слышала о геометрии и знаешь, что только Земля за счёт своего населения является досадным эвклидовым исключением?

Саша утвердительно кивнула.

– Так вот, – вернулся к лекции Белецкий. – Предполагается, что материя пространства имеет вот такой спиральный или вихревой вид, как эта пружина. При коллапсе, то есть старении и одряхлении пространство сжимается в пульсар, – он надавил на болванчика и пружина сжалась, – Планеты превращаются в белых карликов – сверхтяжёлую массу, которая накапливается до тех пор, пока не перенасытит себя. И тогда...

– Вспышка сверхновой, – закончила Шура.

Болванчик снова плясал на пружине.

– Возможно даже не одной, – кивнул Иннокентий Васильевич. – А что же происходит со временем? Витки времени, по моему мнению, расположены вдоль витков пространства. Хотя и не совсем так. Если мы соберём в пульсар время, – он снова надавил на болванчика, – то совершенно необязателен взрыв, так как, повторяю, время – совершенно иная ипостась материи.

– Что же произойдет? – подняла на него Шурочка вспыхнувшие любопытством глаза.

– Кольца времени проникнут одно в другое и будут существовать, совершенно не мешая друг другу, – слова Иннокентия Васильевича приняли менторский оттенок. – Но все мы живем в этой материи и чувствуем её. Даже измеряем примитивными приборами.

– Выходит, время совершенно не та величина, которую люди представляли себе? – попыталась сообразить Саша.

– Просто величина эта куда сложнее, чем можно представить, – взмахнул рукой Белецкий. – И много проще всяческих заумных предположений. Эта величина не настолько сложна, чтобы её нельзя было понять.

– И вы поняли?

– О! Это громко сказано, – усмехнулся Шурочкин собеседник. – Всё произошло случайно, хотя даже детям известно, что ничего случайного в этом мире не случается. Сначала я обратил внимание на поверья о реинкарнации, которых упорно придерживаются некоторые люди до сих пор, особенно поклоняющиеся Восточным богам. А также моё внимание привлекли случаи, когда человек узнаёт место, никогда раньше там не бывавший, или вдруг «вспоминает» давно умерший, утраченный язык какого-нибудь народа. Или бывают ситуации, когда человек воспринимает их, как «до боли знакомые». С тобой никогда не случалось подобного? Если это когда-нибудь было, то наверняка вспомнишь состояние «уже увиденного». Особенно это проявляется в любовных делах – когда «типажи» партнеров повторяются раз за разом. Внешне это могут быть совершенно разные люди. Но в какой-то момент твой нынешний возлюбленный начинает вести себя точь-в-точь, как твой бывший, говорить те же слова, предъявлять те же претензии и так далее. Казалось бы, вы с другом или супругом проходили разные периоды в жизни: были кризисы и трудности, были периоды романтики и подлинной близости, но вот на очередном вираже вы оба снова наступаете на «старые грабли». Слова, высказанные друг другу, уже звучали. Подобные проблемные ситуации уже были. Вы даже можете пересказать, чем закончится очередной конфликт. Но он повторяется раз за разом без какой-либо надежды на изменения.

А бывает и так: вы с каким-то приятелем пришли к выводу, что нашли друг друга. И это твой человек – так же считает и он. Вы хотите создать полноценную семью, родить детей и жить счастливой дружной семьей. А забеременеть не получается. Бесплодие. Или вы оба здоровы, и по медицинским показаниям нет причин для бесплодия, а родить детей и насладиться материнством не получается.

А ещё бывает так: ты – умница, красавица, здорова, с образованием, экономически независима. Мечтаешь выйти замуж, а достойного партнера нет. Или есть, но он уже кем-то занят.

Или тебе нравятся только взрослые и женатые мужчины. Или, наоборот, ты нравишься только женатым мужчинам. Вариантов много, а результат один. Женщина остаётся одинокой, и биологические часы безжалостно отсчитывают время. Почему разные жизненные ситуации очень часто разворачиваются по ненавистному сценарию?

– Значит, во всём повинно время? – снова поинтересовалась Саша.

– Да. Вовсе не гены и не переселившаяся душа, а время, – кивнул Иннокентий Васильевич. – У каждого человека во временных слоях имеются психофизические двойники. Их бесчётное количество. Грубо говоря, в каждом витке по одному. Но, повторяю, витки пульсируют один в другом, и временные двойники также находятся один в другом.

– И у меня они есть? – поёжилась Шура.

– Конечно. Только твое физическое тело живёт совершенно самостоятельно, не затрагивая ни ментальную, ни временную оболочку, ни её зазеркальное отражение.

– Тогда для путешествия во времени надо просто настроиться на своего двойника и перейти в его тело? – пришла Шурочка к логическому заключению.

– Примерно так, – согласился Белецкий. – Но путешественник во времени должен всегда помнить и знать, что, вселяясь в физическое тело своего двойника, он нарушает ментальную оболочку человека и в результате тот может лишиться психологического мышления, то есть попросту сойдет с ума.

– Так как же вы?..

– Хочешь сказать, как же я умудрился попасть в иные временные слои без ущерба для себя и своего двойника? – подхватил её мысль Белецкий. – Я долго экспериментировал, прежде чем решился испытать прибор на себе, ведь если нарушить пульсацию времени, произойдёт катаклизм вселенского масштаба. Для безопасности и надёжности надо было достичь максимальной чистоты эксперимента.

Когда это, по моему мнению, удалось, я решил попробовать прибор на себе. Всё прошло более или менее гладко, если не считать некоторых побочных явлений. Я решил отправиться в средневековье, и могу поспорить, что ты никогда не угадаешь, кто оказался моим двойником в XVI веке.

– Эпоха Возрождения? – переспросила Шура. – Любопытно. Но, поскольку двойники ещё не успели лишиться меня логического мышления, можно попробовать.

– Ну-ну. И кто же? – усмехнулся Иннокентий Васильевич.

– Судя по вашему заявлению, это человек известный. Так? – уточнила Шура. – Из всех наук вы отдаёте предпочтение биоэнергетике, электронике, программному обеспечению и литературе. Так как первых трёх в шестнадцатом веке не существовало, следовательно, ваш двойник литератор. Вы же из всех остальных заметно выделяете Шекспира. Часто даже с порога читаете мне его стихи, как сегодня, например. Я угадала?

– Потрясающе! – Иннокентий Васильевич с удивлением и восхищением смотрел на свою маленькую подружку. – Вот и верь после этого в сказки про женскую логику. Это действительно он!

– А как вы это делаете? Ну... в прошлое, то есть, – на Сашиних щеках играл неяркий румянец, очевидно, вызванный похвалой её логическому мышлению.

– В прошлое? Тут нет ничего сложного, – беззаботно, как будто о чём-то обыденном, отозвался Белецкий. – Сложнее, оказавшись там, не нарушить естественный ход истории и не привести окружающую среду к серьёзным физическим изменениям, что, в свою очередь, вызвало бы цепную реакцию во всех параметрах материи. Мне удалось собрать аппарат, работающий во временном измерении так же, как, допустим, в нашем трехмерном пространстве дельтаплан.

– И вы перелетаете туда? – пыталась понять Шура.

– В общем, да, но не совсем. В прошлое отправляется моё ментальное тело, моя сущность, и занимает место в физическом теле двойника, у которого в данный момент резко активизируются мыслительные и творческие процессы. Раньше это называлось «вдохновением».

– Выходит, вы были катализатором творчества самого Шекспира? – уточнила Саша.

– Даже больше, – кивнул Белецкий. – Я не знал, кто мой двойник. Ориентация была на эпоху Возрождения лишь с целью узнать поближе тот мир, самому увидеть великих мастеров древности. Я совершенно неожиданно для себя стал Шекспиром, ни больше, ни меньше. Он тогда ещё жил в Страдфорде и, кажется, никуда не собирался уезжать. Вторгаться в подсознание другого человека безнравственно, но тогда я ничего не мог с собой поделать. Скорее всего, просто не задумывался над итогом эксперимента.

– И Шекспир уехал в Лондон? – поинтересовалась Шура.

– Да. Он познакомился там с Ричардом Бербеджем, у которого была труппа довольно небезаламанных актёров. Шекспир занял в ней достойное место.

– Но его произведения...

– Всё, что он написал – наше совместное творчество, – перебил её Иннокентий Васильевич. – Вспомни, что до сих пор никто не может толком объяснить, откуда у писателя взялся колоссальный словарный запас – примерно двадцать пять тысяч слов, когда у самых просвещённых умов эпохи было всего-то десять-двенадцать. Во всяком случае, не более.

– Это вы? – никак не могла поверить признанию Шура.

– Каюсь, я. Именно поэтому моё изобретение пока никому не известно. Потом на разработки в этой области обязательно наложат строгое вето.

– Почему?

– Потому что человек должен быть самим собой и должен сам себя создавать, – безапелляционно заявил Белецкий, – не надеясь ни на Бога, ни на дьявола, ни на временного двойника. Кстати, от Всевышнего нам дана только волшебная искра жизни, а как она будет развиваться и будет ли – зависит от человека. Скоро, очень скоро мы вместе умрем. Да-да. Я не оговорился. Все двойники умирают одновременно, только каждый в своём веке. Наш знаменитый писатель умрет весной, в апреле. Я же – в октябре. Смещение происходит из-за того же коллапса времени.

– А как же я? – наивный Сашин вопрос развеселил Иннокентия Васильевича.

– Не переживай, Сашенька, мы расстанемся ненадолго! Некая особа после моей смерти разберётся в устройстве машины времени и...

– И? – переспросила Шурочка.

– Знаешь, – уже без улыбок сказал Белецкий. – Знаешь, я подозреваю, что эта особа всё узнает и разберётся гораздо раньше потому, что я должен обязательно проследить, чтобы всё было нормально. Иначе я просто не смогу жить спокойно в другом измерении.

– Значит, мне придётся под вашим неусыпным надзором совершить путешествие в прошлое? – попыталась уточнить Саша. – Под страхом возможного невозвращения? С дрожью в коленках, страхом в пятках и кружением головы?

Иннокентий Васильевич растеряно взглянул на Шурочку. Он явно не ожидал такого неллицеприятного поворота. Доверять близкому единственному человеку вошло у него уже в привычку и вдруг...

– Так за чем же дело стало? Что мы сидим, сложа руки? – неожиданно продолжила Шурочка свою необычную тираду. – Я должна сейчас же там оказаться! Немедленно!

– Где? – растерянно переспросил Белецкий.

– Там! – Саша, сжав кулачок, указала большим пальцем себе за плечо. – Где-то там, наверное, лучше в тех же Средних веках. Не знаю почему, но мне хочется познакомиться с какими-нибудь благородными рыцарями. Ведь в нашем веке никто пред прекрасной дамой уже не способен преклониться.

– Даже так? – лукаво усмехнулся Иннокентий Васильевич.

– Всё равно! – стушевалась Шура. – Хочу в Средние века! Ну, пожалуйста...

Белецкий безоговорочно кивнул и потащил Шурочку в другую комнату, прямо к высокогородному письменному столу, усадил девушку в кресло и принялся копаться в тумбе стола. Вытащив оттуда обруч для головы, он прикрепил его не к видеокому, а к бронзовым настольным часам, циферблат которых примостился на хребте у бронзового грифона и парящими по бокам херувимчиками. Там же на столе очутилась пузатая бутылка, наполненная изумрудного цвета жидкостью.

Белецкий ещё раз внимательно посмотрел на Шурочку, будто примеряясь: а стоит ли всё-таки посвящать девушку в позапрошловекские алхимические тонкости? Но её спокойствие и кажущееся понимание успокоили Иннокентия Васильевича. Он осторожно водрузил на голову Сашеньке обруч, оказавшийся ей впору, и постарался ещё раз объяснить будущей преемнице устройство аппарата, то есть аппаратное устройство.

– Всё очень просто, – начал Белецкий. – Кольца времени отражаются, как в зеркале, на любых часах, даже на электронных. Только как время начинает убыстряться или же возвращаться назад, это я не смог определить, сколько ни бился. Просто не хватает знаний, а они, несомненно, особенные, потому что измерения времени или временного измерения не касался ещё никто и никогда. Впрочем, с древних времён жрецы Египта, Месопотамии, а потом и алхимики всего мира пытались покорить время в поисках философского камня, эликсира бессмертия или же заурядной механической машины времени.

– И что, – встала Шура, – никому, ничего в голову не пришло?

– Эта голова перед тобой, – поклонился ей Иннокентий Васильевич. – Мне вовремя пришёл на ум один из законов диалектики: единство борьбы противоположностей. Ведь никто из прошловекских алхимиков не пытался, да и не мог оживить принцип противоречия двух противоположных начал, не направлял течение времени навстречу друг другу по одному и тому же руслу.

Я никогда тебе раньше не рассказывал, Шурочка, об одном умопомрачительном приключении, постигшем меня ещё в юные годы. Тогда за окнами маньячил двадцатый век. Все народы кидались то в одну веру, то в другую. В городах расплодилось множество Екклесиастов и Дельфийских оракулов под модным названием экстрасенсы. Но моя мама всегда твердила, что в Евангелии написаны слова, оставленные нам, как Завет, Сыном Человеческим: «И придут тысячи лжепророков, и назовутся именем Моим». Это я твёрдо запомнил. С детства. Тем не менее, пророки в двадцатом веке всё же водились, хоть и немного. Может, хочешь чашечку кофе? – прервал сам себя Иннокентий Васильевич.

Шура утвердительно кивнула, потому как любила слушать своего друга, прихлёбывая ароматный напиток. Тем более что кофе так и остался нетронутым в кухонной прерии. Белецкий мигом принёс серебряную турку, разлил напиток по фарфоровым чашкам, не забыв украсить их разрезанными дольками лимонов, и продолжил:

– Так вот. Мамочка моя очень мечтала попасть к пророчице Ванге, жившей тогда в Болгарии. И как-то раз ангелы сжалились над ней, послав горящую путёвку в Варну на две персоны. Папа не смог поехать, тогда я удостоился вместо него позагорать на Золотых Песках Болгарии, съездить в Софию и на Шипку. Но самое интересное, что мамина мечта исполнилась: нас приняла провидица Ванга.

К ней со всех концов земного шара стекалась разношёрстная публика, только она не каждого принимала и выходила к тому, кто ей понравился. Как она определяла достоинство посетителя – не знает никто, но мы с мамочкой удостоились внимания бабушки Ванги почти сразу, как приехали.

Двор перед её непритязательным, но уютным по виду домиком был довольно обширным. Старушка вышла на крыльцо, опираясь на руку не совсем старой дамы. Столбы крылечка, под-

пирающие небольшой шиферный навес, были оббиты фигурными деревянными наличниками, что придавало домику ещё большую красоту.

Может быть, вместительный дворик в другое время и собирал много посетителей, однако в этот раз перед крылечком собралась совсем небольшая кучка народу, пришедшего к прорицательнице с надеждой решить какие-то свои набежавшие проблемы.

Дама, поддерживая слепую прорицательницу, спустилась с крылечка. Приехавшие к Ванге, обступили их обеих.

Говорят, ослепла ясновидящая с юных лет. Она попала тогда в око тайфуна.

Песчаный смерч не унёс девочку в небо, а выбросил на камни. Ванга осталась жива, но ослепла. Потом, вместо зрения, она получила от Бога дар прозрения, что позволило ей предсказать судьбы многих людей, даже стран.

Несколько десятков людей, окружавших незрячую провидицу, оказались, как мне кажется, обыкновенными людьми и выделить среди них кого-то было просто невозможно. Только сама Ванга безошибочно подошла к моей маме и протянула к ней руку ладонью вниз:

– Я ждала тебя. Сын с тобой?

– Да, вот он, рядом, – ошарашено ответила мама.

Ванга подошла ещё на шаг. Под руку ей попала моя голова. Она сначала погладила меня, потом пальцами провела по моему лицу. Касание это отнюдь не было неприятным. Пальцы рук старой женщины, казалось, излучали какую-то особую биологическую энергию.

– Это он, – утвердительно кивнула Ванга. – В мир вернётся самое древнее учение, и мальчик сможет овладеть им. Меня спрашивают всегда, скоро ли придёт это время? Нет, не скоро. Но у него хватит терпения, желания и возможностей стать покорителем времени.⁸

Пророчица разрешила задавать моей маме вопросы и та, как я помню, принялась интересоваться не столько своей судьбой или судьбой семьи, а будущим нашей страны. Ванга в ответ на мамины вопросы улыбнулась, но ответила с большой обстоятельностью и реализмом:

– Когда Россия начнёт входить в свой знак Водолея, снова возродится культура, проснётся интерес к поэзии, возродится духовность. Но пройти придётся через многое. Сегодняшний день страшен. Повторяю: Россия – единственная страна в мире, где человек рождается с апокалипсисом, и это слово держит его душу. Будет трудно, но надо пройти через очищение...⁹

– Знаешь, Сашенька, – Белецкий, вспоминая слова Ванги, положил ладонь на лицо, но теперь снова открыто смотрел на девушку. – Знаешь, слова прорицательницы врезались мне в память, как таблица умножения. Она великое будущее предрекла России, даже вспомнила, что на Южном Урале, в самой середине страны, находится центр мира. Я слышал об этом, даже конкретно интересовался. Но кто может с такой уверенностью сказать, что там-то и там-то настоящий пуп земли? Что Рипейские, то есть Уральские горы не разделяют, а соединяют Европу и Азию, как левое и правое полушарие человеческого мозга?

– Вы сказали – Рипейские? Откуда это название? – поинтересовалась Шура.

– Уральские горы в очень стародавние времена назывались именно так, – принялся охотно объяснять Иннокентий Васильевич. – Это знали даже Ломоносов, Державин и Екатерина II. А профессор Лондонского университета Мери Бейс обнародовала как-то сенсацию, что Заратустра родился и жил в азиатских степях к Востоку от Волги, на юге Урала. Там же находится первая из благих земель Ариев. Это духовный центр всего арийского мира и России.

Лишь теперь стало известно, почему немцы во Второй Мировой рвались к Сталинграду. В руки гитлеровцев попали документы экспедиции Жана Делиля, французского историка, добившегося разрешения исследовать Северный Казахстан и Южный Урал в начале восемна-

⁸ Казимира Стоянова, «Ванга, ясновидящая и исцеляющая».

⁹ Там же.

дцатого века. Перед Делилем стояла одна задача: отыскать описанные в индийской Ригведе земли исседонов, аримаспов и гипербореев.

Так же описание этих мест оставил греческий философ Аристей из Проконесса, побывавший там в VII веке до Рождества Христова.¹⁰ Делиль не нашёл тогда Ариан Вэджу, сказочную страну. Зато обнаружил Аркаим – столицу Десяти Городов или Междуречья. Где-то там есть вход в inferнальное царство мёртвых, в потусторонний мир Зазеркалья и там же растёт мировое дерево – связь между прошлым и будущим. Вот почему фашисты рвались в эти места. Что толку от какого-нибудь древнего клада? Ни за какие деньги нигде не купишь власть над всем миром. А немцам только это и надо было. Бред, но бред очень даже реальный. Недаром над мистическими проблемами у них работал целый институт «Аненэрбе».

Тем не менее, Ванга вручила мне вот этот пузырьёк с эликсиром, – Белецкий кивнул в сторону пузатой бутылки с изумрудной жидкостью. – Она сказала, что с помощью этой настойки я смогу усмирить время. Слова пророчицы произвели тогда на меня, несмышлёного мальчика, потрясающее впечатление, поэтому ничуть не удивительно множество перерытой мной средневековой литературы по актуальной, белой, чёрной и вещественной алхимии. Но я не нашёл никаких не то чтобы указаний, а вообще предметных мыслей для создания аппарата.

Оказалось, что никакого механизма управления временем создать невозможно, кроме соединения двух великих огненных потоков энергии – материального и божественного – направленных навстречу друг другу. Потоки имеют огненную природу, так как именно живой Огонь, дающий Свет обладает созидательной творящей силой, способной показать путь духовного развития и понять суть вещей в разных временных потоках. Тогда появляется реальная возможность, нашему ментальному телу проникать в другие кольца времени, и то не по своей воле, а только при воздействии на духовную оболочку эликсиром Ванги.

Она не забыла предупредить, что жидкость создана ещё в Средние века. Только как этот эликсир ни на что до сих пор не потратили – никому не ведомо! Повзрослев, я пытался подвергнуть жидкость химическому анализу и не раз. Но никогда одного и того же результата не получалось. Кажется, такого быть не может, потому что не может быть, однако против факта не попрёшь... Эликсир существует, но каждый раз даёт новый химический диагноз! Кстати, пополнять его нужно простой профильтрованной водой. Принцип действия Святой воды: когда в уже освящённую воду добавляют простую, то добавленная тут же впитывает Божественную энергию, которая была раньше.

¹⁰ Рихард Ханнинг, «Неведомые земли».

Глава 3

Слушая Иннокентия Васильевича, Шурочка протянула руку, подхватила со стола бутылку с изумрудным эликсиром, открыла притёртую стеклянную пробку и понюхала.

– Странно, – пробормотала она. – Пахнет миндалём.

– Что? – не расслышал Белецкий.

– Миндалём, говорю, пахнет! Прямо, как цианистый калий.

– А откуда ты знаешь, как пахнет цианистый калий? – удивился друг девушки.

– Не помню. Но с детства на глупый вопрос «как дела?» – я обычно отвечала: Что тебе рассказывать напрасно о каких-то призрачных делах? Жизнь – она воистину прекрасна, с привкусом циана на губах... но это к делу не относится. Я очень жду дальнейших признаний. Ведь мы уже на пороге, не так ли?

– Так, – улыбнулся Белецкий. – Ты сейчас рассуждаешь, как истовая женщина: всё тебе желательно узнать здесь, сейчас и всенепременнейше до самого конца, независимо от того, каким он окажется.

– Конечно, – пожала плечами Саша. – Знать, как вы сделали винегрет из часов, обруча от видеокома и алхимического эликсира – это, мне кажется, не слишком большое преступление.

– Что касается часов, – Иннокентий Васильевич указал на бронзовую настольную безделицу. – Мне, можно сказать, они достались в наследство от одного старика-голландца. Это Колошин Юрий Дмитриевич.

– Кто?

Шурочка, вероятно, так раскрыла рот от удивления, что Белецкий весело рассмеялся. Он снова разлил по чашкам кофе и порезал на дольки припасённый лимончик. Его слушательница, забралась, как обычно, с ногами в кресло и потянула к себе свою чашку. Это значило, что девушку не на шутку заинтересовал рассказ о любопытном прошлом хозяина квартиры.

– Юрий Дмитриевич – прямой потомок Вангенгейма, обрусевшего голландца, получившего дворянство ещё до исторического материализма тысяча девятьсот семнадцатого года. Именем Алексея Феодосиевича Вангенгейма назван даже исторический музей города Дмитриева. Курская область, конечно, небольшая, да и городок невелик, но не каждый человек за свои дела удостоивается такой памяти даже в небольшом городе. А Юрий Дмитриевич получил другую фамилию во время Сталинского кошмаризма, то есть коммунизма, стараниями родственников. Тогда многим из «бывших» пришлось расстаться с родовыми фамилиями, чтобы просто выжить. Но дело не в этом. В семье Вангенгеймов остались эти вот часы, – Белецкий показал на бронзовые настольные часы. – Меня в первую очередь удивило, что часы имеют два циферблата – один впереди, другой сзади.

Иннокентий Васильевич встал со стула, подошёл к письменному столу, повернул часы обратной стороной. Сзади они оказались такими же: маятник, мельтешащий в хрустальном прозрачном животике меж двух бронзовых колонн, выполненных в дорическом стиле и циферблат со стрелками, оборотный близнец лицевого. Но окружности обеих циферблатов были закованы в металлические обручи с прикованными к сплошному кругу буквами «Г», которых по окружности было ровно двенадцать.

– Вся штука в том, – продолжил Иннокентий Васильевич, – что с лицевой стороны стрелки движутся по циферблату как обычно по часовому кругу, а на обратной стороне – против. Также и два обруча с металлическими указателями вращения. То есть два потока времени, направленные навстречу друг другу, или те самые два Огня.

Надо сказать, что Юрий Дмитриевич помог мне досконально разобраться в устройстве часов, а свои знания он получил от предков по наследству. Однажды в разговоре мы коснулись темы измерений времени, и я вспомнил, что тоже имею наследство из прошлого.

Вангенгейм к мысли о соединении двух наследственных частей времени, струящихся навстречу друг другу, отнёсся довольно скептически, долго меня отговаривал от алхимических опытов, но безуспешно. Потом сам загорелся изобретательской страстью и подарил мне часы.

Я вплотную занялся приведением машины времени в порядок. Здесь много и моих нововведений, которые родились с годами работы. Видишь ли, нигде ещё мне не доводилось встречать часы с двойным циферблатом, хотя упоминания в старинных манускриптах о таких часах встречаются часто.

Потом появилась ты. Я не мог не довериться близкому... нет, единственному из близких мне прожигателей жизни. Никто из нас не вечен и мне очень скоро придётся уходить из этого мира. Да-да, я уже упоминал, что все двойники умирают одновременно, только каждый в своём веке. Но я хочу научить тебя обращаться с этим нехитрым агрегатом хотя бы для того, чтобы мы могли встретиться в междувременьи.

– Это ещё одно измерение? – подняла Шура удивлённые глаза.

– Вроде того. В общем, так, – сосредоточенно сдвинул брови Иннокентий Васильевич. – Мы сейчас попробуем нырнуть в кольца времени. Вернее, ты попробуешь. Поступок серьёзный. Хотя я уже испробовал машину времени на себе и не раз, но обязан всё же предупредить: подумай, стоит ли?! Вдруг выпадут на твою долю какие-нибудь необратимые неприятности?

Кидаясь в этот омут с головой, ты ставишь на карту всю прожитую жизнь, всё грядущее, настоящее и даже ещё не свершившееся. Любая историческая запятая может изменить твою жизнь совсем в ином направлении.

– Я уже давно нырнула в этот омут, – улыбнулась Шура. – Так что хватит меня пугать непугливую, но навеки испуганную коварным временем. Не получается что-нибудь только у того, кто вообще ничего не делает. Разве я похожа на окаянную лентяйку, отлынивавшую от дел?

– Нет, не похожа, – кивнул Иннокентий Васильевич. – Тогда садись поудобней, будем отключаться от настоящего.

Шура снова плюхнулась в кожаное кресло возле инкрустированного письменного стола и на секунду закрыла глаза. Что её ожидает? И действительно, стоит ли пускаться во все тяжкие, если есть вероятность не слишком гладкого окончания опыта? Хотя эликсир бессмертия давно уже приготовлен какими-то средневековыми алхимиками, но никто из них не посещал будущего.

Впрочем, из грядущих эпох сюда тоже никто не заглядывал. А, может быть, всё-таки заглядывал? Ведь никто никогда не сможет определить, сколько сущностей скрыто на данный момент в человеке? Находясь не в своём теле, Иннокентий Васильевич выкинул штуку со своим двойником Шекспиром, превратив его в знаменитого, известного всем эпохам писателя.

Возможно, и Сашенька сможет на кого-нибудь повлиять или же кто-нибудь из её временных двойников сам окажет влияние на становление девичьего характера? Кто знает. Но отходить от избранного пути никогда не стоит. Иначе человек всю свою сознательную жизнь потратит на искания, метания и прочую анархичную ахинею, но никогда ничего ни для кого не сделает. Прожигание жизни – стоит ли тогда жить?

– Я готова, – просто ответила Шура, обрезая тем самым путь к отступлению и подстёгивая своего друга к выполнению задуманного.

Иннокентий Васильевич подошёл к девушке. В руках у него оказался какой-то серебряный амулет на кожаном ремешке. Он надел его на шею своей подружке и объяснил:

– Это Эгисхьяльм.¹¹ Древний амулет, способный концентрировать и приумножать личную физическую силу обладателя. Его можно применять в любых критических ситуациях. Самое интересное, что амулет перемещается вместе с путешественником, но уже в физическом

¹¹ Эгисхьяльм (др. скан.) – шлём ужаса, оберег.

состоянии. Он возникает на теле двойника вместе с переместившимся ментальным телом и не вызывает никаких отрицательных эмоций. Исторический двойник думает, что всегда носил этот амулет, к тому же знает, как им пользоваться. Стоит надавить сверху небольшую кнопку и амулет сработает наподобие одноразового выстрела и парализует стоящего или стоящих перед тобой врагов. Но только два-три человека. С обратной стороны к амулету припаян небольшой флакончик с нужной тебе жидкостью. Если появится непреодолимое желание вернуться в своё время и тело или возникнет такая срочная необходимость, то достаточно пригубить из флакона, либо добавить несколько капель в какую-нибудь жидкость и выпить. Тогда снова окажешься здесь в мгновение ока. А отправляясь в дорогу, необходимо также принять несколько капель этого катализатора. Когда их временной стимул закончится, ты без проволочек вернёшься в своё время и тело.

Иннокентий Васильевич осторожно открыл притёртую пробку на бутылки, запустил в её широкое горлышко ложечку, подцепил толику зелёной жидкости и передал ложечку Шуре. Та осторожно взяла её, но глотать эликсир пока не решалась. Белецкий снова закрыл бутылку, взял со стола обруч для головы, прикрепленный тремя проводками к внутренним клеммам часов с двумя циферблатами, водрузил его девушке на голову и кивнул:

– Ну, с Богом! Можешь глотать.

Сашенька осторожно проглотила отмеренную ей жидкость и снова почувствовала горько-сладкий запах миндаля. Иннокентий Васильевич заводил большим квадратным ключом часы, маятник которых тут же принялся размеренно рассекал воздух по всем четырём сторонам света одновременно и, возвращаясь к изначальному вертикальному состоянию, как нулевой точке отсчёта.

Смотри лучше на маятник, – посоветовал Белецкий. – Он как хрустальный магический шар приковывает внимание, не позволяя ему разливаться в ненужных направлениях. Одной чайной ложечки, думаю, достаточно. Правда, я не знаю, в какой именно поток временного пространства тебя занесёт, но... полагаю, тоже в Средние века... потому что на часах... я сделал...надцать оборотов... мотри, не пред... ни каких... ствий...

Голос Белецкого стал куда-то исчезать, сливаться с возникающим шумом пространства, то пропадая, то вырисовываясь, струился вокруг часов удивительной разноцветной спиралью.

Где-то трижды прокричал петух, и Шурочке вдруг ни с того, ни с сего вспомнилась известная фраза, высказанная Иисусом Христом апостолу Петру: «Рече ему Иисус: аминь, глаголю тебе, яко в сию ночь, прежде даже алектор не возглаголит, трикраты отверзешься от Мене».¹² Не значит ли это, что играя со временем, девушка непроизвольно нарушает какие-то Божьи Заповеди? И причём тут петух, Шура так и не могла сообщить. Вернее, не успела.

Всё смешалось, перекрутилось в каких-то графических спиральных завихрениях, неся Сашеньку, как лёгкую пушинку то ли в безвоздушном пространстве, то ли в простом человеческом восприятии Космоса. Но, если перед девушкой распласталась Вселенная с кружащимися во всех направлениях спиральями времени, то, как же ей самой удаётся смотреть на это со стороны?

Всё было бы понятно, если б она сидела у окошка в натопленной тёплой комнате завьюженной декабрьской ночью и наблюдала через стекло сумасшедший пляс снежинок в сиротливом луче одинокого подоконного фонаря. Но здесь вовсе не зима и не обычный человеческий мир с его сакральными заботами и проблемами.

Она вдруг увидела какой-то зал, вынырнувший из подпространства, похожий на церковный придел, в котором стояло множество разношёрстного народа, одетого неизвестно во что. То есть, одежда на людях, безусловно, присутствовала, только какой народ мог одеваться в пышные придворные одежды эпохи Возрождения, и терпеть приютившихся здесь же непри-

¹² Евангелие (Мф. 26:34)

тязательных оборванцев, в накинутых на плечи мешковинах, подпоясанных простыми верёвками?

Сама она оказалась одетой в расшитое золотом атласное пурпурное платье с глубоким декольте и ниспадающим с головы кисейным занавесом красного цвета, который крепился к остроконечной шапочке такого же цвета, как платье и кисея. Слева от неё стоял мужчина в диковинном красно-чёрном кафтане и леггинсах, плотно обтягивающих мускулистые ноги. Причём, левую ногу мужчины охватывал красный цвет ткани, а правую – чёрный.

– Красно-чёрные леггинсы – это что-то, – мимоходом отметила Шура.

На голове у мужчины красовался огромный берет со страусовым пером, который пронзал белой молнией красно-чёрный колер нарядов жениха и невесты. А ведь верно! Её двойник, то есть двойняшка, выходила сейчас замуж за богатого гранда. Это Шура поняла как-то исподволь. Вероятно, сознание невесты проникло в ментальную сущность поселившегося в теле невесты «зайца».

В общем, Саша чувствовала себя, как в своей собственной физиологической оболочке, поэтому первым делом принялась осматриваться.

Перед ними на солее¹³ стоял священник в католической сутане, покрытой сверху кружевным белоснежным саккосом, усердно читающий установленные молитвы. В католическом соборе со стрельчатыми потолками и окнами вдруг раздалась органная музыка. Видимо, так было положено по обряду, но музыка напоминала ураганные фуги Баха, поэтому по спине девушки пробежали мурашки.

Тут сама невеста, почувствовав внутри что-то необычайное, вздрогнула, инстинктивно приложила ладонь к груди и на секунду закрыла глаза, будто была поражена шквалом удущья. Ей, настоящей невесте, вдруг показалось, что сам ангел снизошёл в её тело с небес и устраивается внутри, словно собака на сене. Для этой девушки удивительное недомогание и раздвоение сознания было, конечно же, очень необычайно, поэтому нет ничего удивительного, что она немного испугалась.

– Дорогая, вам плохо? – услышала Шура, то есть невеста, голос жениха. – Может, поторопить падре и завершить ритуал?

– Нет-нет, всё нормально, барон, не стоит беспокоиться, – торопливее, чем обычно ответила невеста. – Я просто немного разволновалась, это сейчас пройдёт. Стоит ли обращать внимание на такие мелочи.

– Ага, – отметила про себя Шура. – Её двойняшка становится баронессой, и муж вроде бы представительный.

Одно плохо: лицо у него покрыто иссиня-чёрной бородой, которая на фоне красно-чёрного с золотыми галунами кафтана выглядела зловеще. Невеста, хотя и была в красном платье с золотыми и белыми кружевами по подолу, но оно выгодно подчёркивало её прекрасные светлые кудри, которые на белоснежном обычном подвенечном фоне обязательно потерялись бы. А розовое или красное платья, отороченные тонкими кружевами, у невест всех народов во все века могли считаться настоящим подвенечными.

За спиной невесты, впереди толпы присутствующих, стояли два гранда в бархатной зелёной одежде, да и похожи они были друг на друга, хотя разница в возрасте определяла каждому своё место. Заносчивые, чуть ли не брюзгливые физиономии господ, бросающих на присутствующих дам надменные откровенные взгляды, выдавало мужчин близко знакомых жениху и невесте, но не очень воспитанных.

– Родственники, – поняла Шурочка. – Скорее всего, братья – у обоих на лицах написано как они от всей души желают семейного счастья сестрёнке и выдают её замуж за Синюю Бороду.

А что? Жениху, хоть тот и носит титул барона, очень подошло бы такое прозвище.

¹³ Солея (церк.) – возвышение вдоль алтаря.

Интересно, в жилище, то есть в замке этой Синей Бороды, так же, как в сказке, взаперти живут печальные красавицы, и там имеется комната, куда входить никому не разрешается? Только сам хозяин удаляется в эту комнату по вечерам, и всю ночь до утра оттуда доносятся чьи-то жалобные многострадальные крики.

Саша даже представить себе не могла, как она близка к содержанию сказки о Синей Бороде, но сейчас ей было не до мрачных воспоминаний о будущем. Её интересовала, прежде всего, сама невеста, оказавшаяся временной двойняшкой Шурочки. Во всяком случае, она вела себя довольно спокойно, хотя уже почувствовала необычное внутреннее состояние. Может, девушка всё списала на свадебное волнение и какое-то лёгкое недомогание, граничащее с мигренью, кто знает?

Собственно, необычайное состояние организма объяснить можно тысячью причин, но психофизическая оккупация чужого тела не могла пройти незамеченной. Тем не менее, двойняшка особо не паниковала. Возможно, первое бракосочетание и первая ещё не наступившая любовь оставляют в жизни любой женщины неизгладимые впечатления.

Шура этого пока не познала. Хотя нет, знакомство с любовью, настоящей Любовью, а не удовлетворением похотливых желаний, у неё уже было. И причиной любви всё-таки стал Иннокентий Васильевич. Вот к кому девушка чувствовала не просто какую-то привязанность, а необузданное влечение, пробегающее иногда мурашками по всему телу. Она действительно не могла представить иной жизни без своего приятеля, то есть друга. Настоящего друга! Будто без этого человека прекратится всё сущее и весь мир провалится в тартарары. Неудивительно, что Сашенька искренне пожелала передать своей красивой двойняшке великое и чистое состояние любви! Человек только тогда становится человеком, когда научится делиться с ближними радостью, переполняющей сердце.

Оказавшись в другом времени и пространстве, Шура не чувствовала себя чужой в этом мире. Наоборот, девушка ощущала и ловила некоторые мысли своей двойняшки. Например, знакомство с Синей Бородой у неё произошло совсем недавно, и что виноваты в этом её братья, стоящие чуть позади – Шарль и Анри, герцоги Анжуйские.

Анна – сестра Мариэль – была категорически против этого брака. Говорила, что Мариэль ещё слишком молода, что это не очень-то выгодная партия, но разве мужчинам что-то можно доказать? Для них избавиться от женщины, пусть даже родной сестры, было шикарным развлечением, уступающим по значению, пожалуй, только большой борзовой охоте.

И будущий муж Мариэль – выдающийся господин: маршал Бретани, один из самых богатейших людей Франции Жиль де Лаваль, барон де Рэ, Жиль де Райз, Жиль де Монморанси-Лаваль барон де Рец, господин Машекуля, Бенэта, Кутюмье, Бурнёф-ан-Рец, Буан, Сент-Этьен-де-Мер-Морг, Порник, Пранц, Вюэ, а также Тиффож и Шамптосе-сюр-Луар – это ли не завидная партия. Даже из дворца барон выезжал, как король: пажи в золочёных одеждах пышно несли родовые и государственные гербы, а перед ними слуги помельче, тащили фонарь и крест. За каретой барона следовало около двух сотен рыцарей, живших при замке. Это ли не собственный двор с пажами, слугами, лизоблюдством и интригами? Но такие помпезные выезды мог совершать лишь король Франции.

Барон недаром так себя превозносил – в недавнем прошлом он плечом к плечу воевал с самой Жанной д'Арк, и спас Францию от нашествия иноземцев. Это ли не заслуга перед Отечеством?! Правда, тесная дружба с женщиной-полководцем не прошла даром. Карл Седьмой Валуа, король Франции, предал Жанну и не препятствовал её сожжению разгулявшимися монахами страшного ордена святой инквизиции, выступавшими из-за такого случая на стороне англичан.

Шурочка почувствовала, что жених Мариэль когда-то относился к Жанне не как к собрату по оружию. Здесь таилось что-то большее, но что – этого понять было невозможно, потому что у жениха в других измерениях есть свои двойники и только им можно влезть в мен-

тальное тело барона. А Шуре надлежало быть невестой этого таинственного человека. Знать судьба такая, то есть женская доля.

Единственно, что поняла Сашенька, барон всё же попытался спасти приговорённую к казни воительницу Жанну. Жиль де Рэ ворвался в город во главе тысячного войска, но Жанна была уже благополучно сожжена. Ей, приговорённой к смерти на костре, отказали даже в исповеди перед сожжением. Именно тогда барон понял, что инквизиторы, прикрываясь именем Божиим, вершат службу дьяволу, и что отомстить за сестру по оружию можно только, испросив разрешения у того же дьявола.

Так король Франции установил мир в затянувшейся войне с англичанами, а его маршал удалился от двора и уединился в замке Машекуль, что короля очень устраивало. Просто Его Величеству не хотелось без надобности казнить также и маршала. Но если бы тот не ушёл в отставку, то костёр для барона был уже заготовлен, ведь сам король неоднократно обращался к барону с денежными просьбами. А короли в долгу ходить не любят, тем более у вассалов. Собственно, французскому дворянину и маршалу не удалось-таки избежать очищения огнём, но уже по другой причине.

Жиль де Лаваль, барон де Рэ был близким другом Жанны д'Арк. В то же время он являлся маршалом Бретани, спасшим страну от гибели под башмаком чужеземцев-англичан. Маршал есть маршал, но и король есть король, от этого никуда не денешься. Барон де Рэ не мог повлиять на сумасбродство короля, хотя тот свои дела освещал, как стремление к миру.

Все эти сведения на Шурочку свалились как-то мигом. Она теперь знала, что двойняшку зовут Мариэль, что она анжуйская принцесса, что родные братья устраивают её замужество не столько ради заботы о сестре, сколько ради волнения о себе, что только Анна жалеет сестрёнку, потому как союз без любви никогда ещё не приносил ни одной женщине счастья.

Без любви! Саша снова принялась сравнивать себя с двойняшкой. Ведь как ни крути, а Мариэль ещё не познала, да и вряд ли познакомится с той теплотой, нежностью, лаской, тягой к любимому человеку, каким стал для неё Иннокентий Васильевич.

Девушка испытывала не просто влечение, а страсть к познанию мира. Именно через Белецкого Шура начала понимать мир, видеть его под разными ракурсами и с разных точек зрения. А такое обучение немало стоит!

Узнав о Сашинем друге, немногочисленные подружки, не сговариваясь, усиленно зафыркали, показывая общественное безоговорочное «Фэ», но девушке на это было ровным счётом наплевать, потому как в устройство своей жизни она не собиралась допускать никого, даже бабушку. Кстати, как раз бабушка была очень даже не против Шурочкиного увлечения женщиной, намного старшим по возрасту.

– Если вам хорошо вдвоём, – говорила она, – то кому, собственно, какое дело? Разве могут эти безмозглые курицы, твои подружки, почувствовать что-то настоящее, человеческое, а не картинное выставление себя на продажу?

Женщина когда-то обязательно понимает, что только вдвоём с мужчиной они составят одно целое в этом мире и смогут не просто нарожать детей, а дать миру какую-то часть своей души, что позволит развиваться окружающим и ловить биологическую энергию, посылаемую из космоса. Уловителями могут стать только семейные пары. Недаром в Средние века во многих странах был утверждён Домострой, ибо эта наука семейной жизни влияла на порядок отношений в обществе. Несмотря на многочисленные войны, постоянно вспыхивающие там и тут, целостность семьи помогала сохранить нужный населению любой страны потенциал мирного сосуществования.

Только всегда в народе присутствуют особи, начинающие воевать меж собой, отбирая друг у друга остатки отпущенной им для развития жизненной силы. Кто ж знает, с кем человек должен составить то самое союзное сочетание, когда меж двоих навсегда исчезнет война и появится стремление дарить радость другим?!

Люди начали понимать сущность бытия только тогда, когда обратили внимание, что ни в одной войне, разыгравшейся на земле, не существовало победителей. Всегда те, кто, казалось бы, одержал блистательную победу над врагом, в результате оказывались отброшенными вниз на десятки ступеней развития.

То же самое происходит и в микромире, то есть меж двумя особями, старающимися создать свой мир, своё государство, свой таинственный остров. Если понимание приходит, то любой другой из окружающего мира сможет получить часть плодов из теплицы таинственного острова для собственного развития.

В этом девушка была совершенно согласна с бабулей и очень благодарна за понимание. Во всяком случае, бабушка с малых лет старалась вникнуть в девочкины проблемы и не чинить никаких безрассудных препятствий.

Может, причиной этому послужила Сашенькина мама, которую тоже звали Шурой?

А икона «Богородица, воскрешающая Русь», которую написала мама-Шура, до сих пор хранится в старообрядческом храме Покрова Богородицы, что на Рогожской заставе.

Старообрядцы спасли икону, но не смогли спасти создавшую этот Святой образ. Да кто бы смог, если охоту на художницу устроили аггелы Сатаны? Сколько бабушка ни пыталась отыскать следы дочери, сколько не исколесила инстанций – ни к чему это не привело. Всё везде сводилось к давнему российскому правилу, так любимому когда-то Иосифом Виссарионовичем: есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы.

Бабушка ничего и не узнала о судьбе дочки, но имя и фамилию внучки отставила такими же – Александра Ослиная или просто Ослиная Шура. Девочку в школе пытались также дразнить, как и маму Ишачихой, но она живо сумела всех поставить на место, то есть расставить по местам, поскольку Шурочка всегда слыла неременной заводилой, и с ней сверстники считались. Умеющую постоять за себя девочку, теперь просто обходили стороной. Белая ворона – что с неё возмёмшь?

С Белецким она познакомилась необычайно и даже как-то очень просто. Был жаркий апрель, необычное состояние для вечно серого асфальтового города, а в набитых людьми вагонах метрополитена – духота кромешная. Шурочка возвращалась тогда то ли с какого-то светского раута, то ли просто из театра, делясь впечатлениями со стоящей рядом подружкой. Но решила всё же снять спенсер и хоть немного избавиться от духоты.

Это было замечено Белецким до тех пор безучастно стоящим рядом с девушками.

– О! У вас великолепно получается публичное раздевание! – ухмыльнулся Иннокентий Васильевич. – Класс!

Шурочкины щёки мгновенно покрылись пунцовым румянцем, правда, она ничего не ответила. Вернее, не нашлась, что ответить.

– Нет-нет, продолжайте, пожалуйста, – снова лучезарно улыбнулся Белецкий. – Принадное раздевание вы исполняете бесподобно. Профессиональным стриптизёршам до вас – как до Луны пешком.

– Надо же, привязался! – буркнула Шурочкина подружка.

– Все нет, – парировала Шура. – Мужчинка умеет оценить настоящую работу, на то он и мужчинка. Вероятно, и опыта ему не занимать, потому как близко знаком с работой профессиональных стриптизёрш.

Девочка специально сделала ударение на слове «работа», надеясь, что тонкий намёк попадёт в нужное пятно на многоумном мужском челе. Так и получилось.

Завязавшийся лёгкий флиртовой разговор заинтересовал почему-то обоих и закончился обменом телефонов.

Шурочка хотела было сочинить какой-нибудь несуществующий номер, но к своему собственному удивлению дала настоящий. Вот так совершенно из ничего и возникла эта настоящая дружба, переродившаяся в Любовь. Да, Шурочка уже не боялась признаться себе, что

беспробудно влюбилась. Почему? За что? А разве можно сказать, зачем ветер дует? Почему угадывается след облаков на безоблачном небе? К чему летучие мысли гоняются за пустыми головами?

Многие мудрые и не очень мыслители старались объяснить это явление, прилепив к самому светлому и человеческому чувству какую-то бирку, постепенно переходящую в аксиому. Но разве можно объяснить необъяснимое? Унюхать непахучее? Взвесить невесомое?

Любовь либо налетает, как яркая штормовая волна, сметая на своём пути все остальные чувства, либо попросту отсутствует. И никак её не позовёшь, ничем не заманишь, особенно деньгами. Тогда-то человека и посещает подленькое сомнение: может быть, никакой любви, никогда на свете не было, и нет? Может быть, всё выдумывают романисты и словоблуды? А может быть, это чувство всегда было, есть и будет, только видит и чувствует его далеко не каждый?

Вот это последнее, уже много ближе к истине, но, не познав Любви, не познаешь той же истины и не поймёшь смысла жизни. Сашеньке в какой-то момент всё это стало более чем ясно, так что доказательств никаких не потребовалось. Истину никогда не надо доказывать, для каждого она своя, очень неповторимая.

Первое Сашино путешествие в гости к временной двойняшке на этом и закончилось. Шурочка снова оказалась в библиотеке Иннокентия Васильевича, в том же мягком кресле за столом, в той же позе. Белецкий мерил прерывистыми нервными шагами свободное пространство, волнуясь за исход эксперимента.

Сам он не раз уже совершал путешествия. Всё оканчивалось нормально, даже великолепно, только на этот раз в путешествие отправился самый дорогой для него человек. Вдруг что не так?! Ведь эксперимент не всегда и не с любым человеком должен заканчиваться благополучно.

Он всё-таки мимолётом пожалел, что поведал девушке о своеобразной машине времени, что поддался женским уговорам и отправил Шурочку неизвестно куда на встречу неизвестно с кем. Стоило ли так рисковать?! Ведь до самой невыносимой настоящей потери был только шаг, даже шажок, причём очень небольшой.

Иннокентий Васильевич почувствовал это во всей полноте, когда его подружка уже отбыла в непривычное путешествие. Вот он и бегал сейчас, кляня себя последними словами за тягу к экстремальным ситуациям.

– Я уже здесь, – отозвалась Саша на его тревожные мысли. – Сколько времени меня не было?

Иннокентий Васильевич кинулся к ней, забросал сходу десятками нужных и не очень вопросов, не давая девушке ответить ни на один. Тогда Шура просто взяла его за руку, другой рукой показала на строгий стул с высокой спинкой, и в непривычной, мигом свалившейся тишине, прозвучал её усталый, но спокойный голос:

– Всё хорошо. Всё очень даже хорошо, милый. Я начала знакомиться с одной из своих двойняшек и выхожу замуж...

– Что?! – ахнул Иннокентий Васильевич.

– Выхожу замуж, – повторила Шура. – То есть, моя двойняшка отдаётся в жёны Жилю де Лавалю, барону де Рэ, французскому маршалу.

– Синей Бороде? – опять ахнул хозяин квартиры. – И что только судьба нам не преподносит!

– Вы слышали о Жиле де Рэ? – удивилась девушка. – Почему вы назвали барона Синей Бородой? Ведь именно это прозвище пришло мне в голову в момент бракосочетания.

– Шила в мешке не утаишь, – усмехнулся Белецкий. – Значит, твоя двойняшка стала женой Синей Бороды, то есть, Синим Подбородком?

– Фу, Иннокентий Васильевич. No comilfo,¹⁴ – поморщилась Шура. – Quell horreur.¹⁵

– Да к слову как-то пришлось, – стушевался тот. – Во всяком случае, вы, девочка моя, сможете узнать несколько необычных историй из жизни средневековых рыцарей и хранительниц домашнего очага монументальных замков. Тем более, что подлинной исторической биографии об этом человеке в архивах Гохрана мало. Может, у французов что заваялось, но архивариусы пока что благоразумно помалкивают. На свет выныривают всё больше домыслы, досочинения, догадки. Я буду очень рад, если общение с двойняшкой пойдёт вам обоим на пользу. На всякий случай запомни: чтобы оказаться в этом временном кольце, достаточно чайной ложечки эликсира и пяти полных поворотов ключа на часах временного измерения. Только не забудь столько же раз повернуть ключ на втором циферблате встречного времени, иначе можешь просто не вернуться назад.

И ещё: никогда не снимай с шеи Эгисхьяльм, – Белецкий указал на диковинный брелок, который он надел на шею девушке перед пробным путешествием. – Я уже говорил, что эта ладанка обладает способностью переноситься с тобой во времени. Она возникнет на теле твоего двойника, когда ты поселишься в нём, поэтому нельзя допустить, чтобы твой двойник снял с шеи ладанку. Иначе ты тоже можешь не вернуться.

– Я уже запомнила, – девушка перебила Белецкого. – Там внутри есть мизерный пузырёчек, в котором ровно одна чайная ложечка этой же изумрудной жидкости. Если возникнет срочная необходимость возвращения, то следует любым способом заставить двойника проглотить эликсир. Лучше всего выплеснуть пузырёк в рюмку с вином, чашку с чаем или соком. Тогда в ту же секунду я окажусь там, откуда началось путешествие. Так?

– Так, – удовлетворённо кивнул Иннокентий Васильевич. – Запомни это, потому что повторять некому будет. Моё время подходит, и скоро я просто исчезну. Помнишь, мы уже говорили об этом?

Поскольку Саша подавлено молчала, внутренне сопротивляясь, то ли грядущему расставанию, то ли тому, что непроизвольно назвала его милым по возвращении, Иннокентий Васильевич попытался не останавливаться и не заикливаться на ожидаемом грядущем. Он уже узнал, что связь меж кольцами времени существует. Только что узнала об этом и его подружка, а это значит, приобретённую сдвоенную силу нельзя растерять в сгустках времени.

Ванга подарила в своё время Белецкому прекрасный мостик, по которому перебраться можно куда угодно. Вот только неизвестными пока оставались все тонкости путешествия между кольцами времени, но познание обычно приходит почти всегда эмпирическим путём. Поэтому грядущее расставание не сможет разлучить их навсегда. Иннокентий Васильевич точно усвоил все неадекватные прыжки времени, которые не могли отнять у человека жизни, дарованной Богом. Стоило только научиться перемещаться по кольцам времени и находить своих двойников. В чужом теле можно прожить другую жизнь, но стоит ли? Ведь все связи во временных пространствах тоже существуют не просто так. Догадывалась об этом и Шурочка, только она ещё не успела привыкнуть к расставаниям. Что поделаешь, необычное всегда воспринимается с трудом. Но ничего случайного в этом мире не случается, значит надо научиться перешагивать через случайности или вообще их не замечать.

¹⁴ No comilfo(фр.) – Не красиво.

¹⁵ > Quell horreur (фр.) – Какой ужас.

Глава 4

Время.

Спираль времени.

Измерение, снующее туда-сюда по Вселенной. Да, есть оно. Существует. Но зачем? Зачем ограничивает жизнь какими-то вечными рамками, зачем сводит людей и тут же разлучает? Зачем показывает частицу благодатного счастья и тут же отнимает?

Разве настоящий смысл существования только в том, чтобы, переступая со ступени на ступень, преодолевать какие-то препятствия, жизненные рогатки, решать важные и не очень проблемы? Зачем нужна такая лестница? Зачем нужна такая жизнь? Кому не опостылит существование, ежели человек всё же находит свою половину, как птица, у которой отрастает второе крыло, и тут же должен, обязан согласиться с потерей?

Ведь только тогда птица сможет взлететь, взмыть в поднебесье, только тогда она сможет окинуть землю внимательным глазом с высоты своего полёта, когда оба крыла поднимают её над всем сущим, помогают ощутить полёт, осознать всю его красоту и величие.

Но вдруг Фемида беспощадно обрывает, обламывает одно крыло и птица бесконечно падает в бездонную пропасть. Это тоже полет, но при нём почему-то возникает сакральное желание: упав на дно, разбиться в лепёшку, рассыпаться тысячью частиц по многослойному телу земли, чтобы никогда больше не изведывать проклятый соблазн полёта.

Только дна в пропасти нет, и как будто бы не было никогда. Полёт остаётся, но какой?! Существование ради существования? Правда, земные твари пытаются и здесь отыскать смысл: одни существуют, чтобы всё-таки начать жить и, в конечном счёте, начинают, а другие так и существуют, чтобы существовать. Одни работают, чтобы жить, а другие живут ради того, чтобы работать, не давая себе роздыху. Причём, если и свалится на кого мизерный кусочек счастья – это тут же отнимается Высшими или Низшими силами.

Шуре казалось, что такое безвыходное положение есть только в России, что весь остальной мир живёт пляша и поя, не изведав горечь потери, не познав печаль расставания. Девушка потеряла счёт времени, уже несколько дней бездумно, безвыходно шляясь по квартире Иннокентия Васильевича.

Собственно, квартира была теперь уже её личной, поскольку хозяин, как и обещал, оставил ей всё это в наследство. Весь вопрос заключался в другом: а надо ли? Зачем квартира, зачем эти бесценные книги, да и машина времени зачем, если рядом нет того, с кем можно поделиться сокровенными мыслями, спросить совета, помощи или самой оказывать какую-то помощь?

Шурочка не могла отвязаться от мысли – почему же всё так происходит именно с ней? Неужели на преодоление жизненных рогаток обречены все белые вороны, каковой девочка считала себя с рождения. Ведь остальной мир живёт, радуется и не замечает неприятностей, а тем более несчастий, свалившихся на голову. Почему в этом мире кому-то постоянно приходится страдать, а кому-то кушать шоколадки?

Сейчас девушка снова вспомнила, как безотрадно всё получилось, и слёзы снова подступили к горлу.

Иннокентий Васильевич дождался как-то вечером свою подружку, впорхнувшую к нему как обычно с сияющими от встречи глазами. Сашенька тысячу раз так появлялась в квартире Белецкого, и каждая встреча была бурной радостью для обоих. Но на этот раз, то ли меж пальцев встретившихся рук, то ли в зеркальном отражении глаз проскочила какая-то необычная искорка. Шура вдруг почувствовала пробежавшую по телу волну упоительной дрожи.

С ней такого ещё никогда не случалось и девушка непроизвольно, даже как-то автоматически прижалась всем телом к стоящему рядом Иннокентию Васильевичу. Он, естественно,

тоже почувствовал электрический шок и мотнул головой, пытаясь сбросить оцепенение, но от этого трудно было избавиться. Тем более, рядом находилась его маленькая подружка, от которой исходил запах мускуса, перемешанный с летучим ароматом гиацинта, а этот летучий вкус мутил разум, заставлял подчиняться безропотно и всеобъемлюще.

Шура тоже чувствовала удивительный лёгкий запах, разливающийся от тела мужчины, и ей почему-то безумно захотелось поцеловать своего друга. Он был совсем, совсем рядом, только девушка была ниже ростом и не могла впиться желанным поцелуем в мужские губы. Она всё-таки исполнила своё желание, нанесла поцелуйную рану, но только в шею.

От неожиданности мужчина обмяк, то есть таял на глазах, готовый расплыться лужей по паркету. Но вдруг неожиданный водопад сакрального бешенства настолько охватил его, что Шура с удивлением и мурлыкающей радостью почувствовала на своём теле тысячу тысяч поцелуев, которые Иннокентий Васильевич, может быть, уже не раз мечтал подарить Сашеньке, да всё как-то не решался.

– Ещё! Ещё! – непроизвольно подзадорила она и откинула назад голову, будто падая на спину. Сильные мужские руки подхватили девушку. В следующее мгновение она почувствовала себя летящей по воздуху, обвила руками за шею своего возлюбленного и на этот раз впилась в губы, как бы закрепляя тем самым свою главную победу.

Среди мужчин постоянно проскальзывает байка о том, кто и как выбирает партнёра, где ведущая роль предоставляется, конечно же, мужчине. При этом мужчина обязательно чувствует себя пусть не Казановой, но где-то около того, начисто забывая о том, что выбирать и выбрать – удел девушки. Как она это делает, не знает никто и вряд ли такое кому-нибудь станет известно. Скорее всего, женщина даже сама не понимает, как она делает свой заветный выбор и как приручает дикое свирепое животное, частенько брыкающееся, встающее на дыбы, но всё же соглашающееся подчиниться дрессировщице. Выбор сделан! Именно это почувствовала Сашенька в отношении к своему возлюбленному. Может быть, он смог бы ещё какое-то время посопротивляться для очистки совести, но это вовсе ненадолго.

Какое там! Никто ещё, барахтающийся в ласковых женских объятиях, не спасался от капитального поражения. Некоторые также для очистки мужской национальной совести считают себя вершителями судеб, но неуклонно подчиняются женским ненавязчивым советам. Хуже всех, конечно, приходится султанам в многочисленных многострадальных гаремах, только в таком курятнике петуху приходится исполнять роль свадебного генерала, а иногда и подраться с соседским петухом, но весь микромир налаживают, как обычно, курочки. Они это всегда умеют. Вероятно, у женщин чувство организации микромира просто от природы, от сущности, и они с этим всегда успешно справляются.

Но справляться с Иннокентием Васильевичем не надо было. Он который год уже жил выдрессированным и только ждал своего часа. Вот здесь уже ни мужчина, ни женщина не знают, когда этот час придёт и придёт ли? А сейчас оба почувствовали, поняли и приняли эту ступень переходного развития, этот всеобъемлющий зов природы.

Оказавшись в постели, Шурочка дала волю своим фантазиям. Ведь не только мужчину постигают мечты о том, как женщина будет выглядеть в постели! Лучшей половине человечества это в голову приходит значительно чаще, с той лишь разницей, что женщина никогда не старается размениваться на многих и заниматься полиандрией,¹⁶ а мужчина с ранних лет старается коллекционировать победные ночи, ничуть не подозревая, что среди многих женщин и случайных связей теряет свою личность, свою мужскую натуру и постепенно превращается в раба каскада страстей и сексуальных потребностей. Почти всегда мужчина соображает, что превратился в «сивого мерина», но соображение приходит слишком поздно. Такие обычно спиваются. Или же наоборот, пускаются во все тяжкие, надеясь хоть что-то урвать для себя.

¹⁶ Полиандрия – многомужество

На сей раз, страстям готовы были послужить оба. Влюблённые, соревнуясь в радости поцелуев, так увлеклись, что не ощущали больше ни окружающего мира, ни спиралей времени, захватывающих людей своими потоками. Шурочка сначала не поняла даже, что случилось, когда чувство сладостной боли пронзило всё её тело. Это было так восхитительно, так бесподобно, что девушка ничуть не отказалась бы ещё раз испытать такое. Но чаще всего с человеком случается что-то только раз в жизни и никак не иначе!

Сексуальные страсти отнимают очень много энергии и поселяют в душах влюблённых чувство лёгкого парения над землёй, вечного птичьего полёта, которое не оставляет обоих до тех пор, пока не начинаются бытовые разборки. Только нашим влюблённым бытовуха вовсе не мешала. Во всяком случае, пока. Оба, утомлённые, счастливые и умиротворённые в то же время, чувствовали, что стали сейчас двумя крыльями одной удивительной птицы, парящей в поднебесье.

– Чижик мой, – прошептал Белецкий. – Возлюбленная моя, ты даже не представляешь, какая сегодня чудная ночь! Я сейчас почувствовал настоящий полёт над миром, увидел планету совсем другими глазами, понял очень много нужных вещей, разобрался, наконец, в самом себе. И это всё ты! Твой подарок!

Шурочка опустила веки, слушая восторженный голос любимого. У него даже интонации стали какими-то другими, более чувственными и проникновенными. Это был мужчина её мечты: настоящий, нужный, ласковый. В общем, Сашенька давно о таком и мечтала. Вот только до сих пор никаких любовных игр меж ними не наблюдалось.

Может быть, для кого-то это покажется удивительным, но девушка непроизвольно попала в отмерительницы. Ведь недаром говорится: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Наши предки не просто так выпускали в мир мудрые летучие фразы. Девушка все прошлые годы примерялась к Белецкому, вернее, несознательно примеряла его к себе. Это оказалось нужным для обоих. Пришло время и они отдались своим вызревшим чувствам полностью и безвозвратно.

– Любимый мой, – Шурочка подняла глаза не Иннокентия Васильевича. – Почему ты меня Чижиком назвал?

– Ах, это! – улыбнулся Белецкий. – Знаешь, я давно уже придумал для тебя это домашнее имя, да как-то сказать не решался.

– Почему именно Чижик? – не отставала Шура.

– Всё очень просто. В Петербурге на Фонтанке есть мостик, под которым в незапамятные времена городские власти водрузили крохотного бронзового чижики в память о народной песне: «Чижик-Пыжик, где ты был? – На Фонтанке водку пил». Слышала?

– Конечно, – кивнула Саша.

– Так вот, – продолжил её возлюбленный. – Этого крохотного бронзового чижики каждый год крадут из-под моста фанаты коллекционеры. Но городские власти всё же каждый раз восстанавливают чижики, как птицу Феникс. А я просто не отдам тебя никаким воришкам, даже самым молодым и привлекательным, потому что ты у меня одна единственная Чиженька.

– Не отдавай! – Шурочка снова прижалась к мужчине всем телом. – Никому не отдавай, хоть мне и так никто не нужен.

Всё же любовные страсти настолько вымотали человеческое тело, что оба незаметно отдались во власть тут же обрушившегося или просто налетевшего сна. Шурочке привиделся тот самый удивительный птичий полёт и, в то же время, пришло совсем иное понимание человеческого мира, в котором должно существовать вовсе не завоевание всего окружающего, а добровольное раздаривание биологической энергии. Именно тогда люди начнут развиваться по настоящему, и развитие цивилизации пойдёт по другому пути.

А Иннокентий Васильевич чувствовал себя сразу греческим философом, которому вручили чашу отравленного вина; в то же время он был скифом, не покидающим седла; проповедником в стране Ариан Вэджа; русским князем Александром Невским; тем же англичанином

Шекспиром, ставшим впоследствии знаменитым писателем и молодым сильным парнем, по имени Тришка. Даже во сне Иннокентий Васильевич сообразил, что все приснившиеся люди – его временные двойники. То есть, в тело любого из них он мог бы переселиться при желании.

Только сознание такой возможности уже не покидало голову. Более того, даже чем-то встревожило. Белецкий понял, что встреча со всеми двойниками неизбежна на спиралях времени и возможно даже очень скоро. Он об этом говорил уже Шурочке, только сам ещё не знал – когда! А сейчас все его двойники выстроились парадной шеренгой – этакий своеобразный парад планетных личностей, в котором не последнее место было приготовлено Иннокентию Васильевичу. Но почему двойники явились к нему? Неужели уже пришло время уходить в Зазеркалье? И прямо сейчас?!

Ведь только что им с Шурочкой было показано, что такое настоящее человеческое чувство любви! Неужели придётся так неожиданно расстаться?

Зачем?! За что?! Что я сделал не так?!

– Ни за что, а просто у всех нас своё время, – раздался чей-то успокаивающий голос из подпространства. – И не надо себя мучать бесполезным вопросом – что сделал не так, как надо? Лучше подумай, что не успел сделать? Ты же знаешь, никто не расстается навсегда, и вы сможете встретиться, но не сейчас. Тебе пора. Не трать себя на выпрашивание отсрочки, знаешь ведь, не поможет. У каждого своё время.

Сашенька каким-то седьмым или восьмым чувством восприняла, что в её жизни случилось какое-то неожиданное, непреднамеренное, что-то ужасное, неисправимое, не имеющее названия. Открыв глаза, она сразу принялась тормозить своего возлюбленного. И чем дольше он не просыпался, тем сильнее девушка трясла его отяжелевшее тело, испуская при этом жалобный звериный рык:

– О, Боже! Но зачем?! Почему?! За что мне такое?! Неужели это из-за меня?! Неужели нельзя никак иначе?! Господи! Верни его!! Я ведь действительно люблю его! Зачем же отнимать Свою любовь, или Ты не Бог, а палач?! Что мы Тебе сделали?! Боже, верни его... ну, пожалуйста!..

Крики девушки переросли в неутешное всхлипывание. Она даже потеряла сознание.

Очнувшись, и снова вникая в свалившуюся на голову беду, Шура уже не могла пролить ни капли слёз. Только снова попыталась зачем-то тормозить уже холодеющее тело возлюбленного.

Реальность заставляла поверить в случившееся. А ничего случайного в этом мире не случается. Это Шурочка усвоила прочно. Сколько раз сам Иннокентий Васильевич утверждал, что расставание неизбежно придёт. И всё-таки можно встретиться в потоках времени, потому что для любви нет ничего невозможного!

Именно эта мысль помогла ей справиться со свалившимися на её плечи заботами. Благо, что в это время бабушка оказалась в Москве и помогла внучке утрясти все бытовые неурядицы. К тому же, бабушка долго не хотела отпускать внучку из-под своей опеки. Только после нескольких серьёзных разговоров, Саше было позволено жить в квартире Иннокентия Васильевича.

Сегодня от печальных дум новую хозяйку квартиры отвлек бабушкин звонок. Та обычно давала себе труд иногда поинтересоваться внучкиным здоровьем и настроением, особенно после утраты, ведь бабушка сама прошла сквозь эту неразбериху чувств, сознания и упаднических настроений.

Почуввав в голосе девочки невесёлые давнишние нотки, бабушка сразу же потребовала встречи. Она знала, что на Шуру нападает хандра после потери близкого человека, но, к счастью, умела легко разгонять внучкину тоску. Девушка поняла: надо было всё-таки что-то решать, ведь безделье всегда приводит душу к деградации, а сознание к дистрофии.

Саша подошла к заветному письменному столу, на котором остались стоять часы с двусторонним циферблатом и рядом – изумрудно-прозрачный эликсир в бутылки с притёртой пробкой. Шура после первого раза ещё никогда не отправлялась в путешествие по времени, но вдруг временные петли позволят всё-таки встретиться с возлюбленным? Может быть, он не навсегда ещё потеряян?

Почти не отдавая себе отчёт, Шурочка чуть ли не автоматически завела часы с обеих сторон, открыла бутылку, запустила туда ложечку, проглотила её горько-сладкую порцию, потом ещё одну... и ещё...

Зачем девушка приняла лишнее содержимое бутылки, она не знала, но подсознательно думала, что именно это позволит отыскать в потоке времени любимого. И, приняв очередной глоток эликсира, Саша вдруг обнаружила себя в мужском теле! Неужели среди её двойников в кольцах времени имеются мужчины? Видимо так оно и есть, потому что эликсир, посланный ангелами Белецкому, не мог при перемещении ментального человеческого тела совершить ошибку. А вдруг всё-таки какая-то ошибка? Вдруг она застрянет в мужском теле навсегда и не сможет отыскать предмета своей любви?

Стоило ли вообще снова начинать путешествия? Нет, вероятно, стоило, потому что иначе Иннокентий Васильевич никогда бы не отправил её в тело Мариэль, невесты Синей Бороды. Тогда получилось действительно странно: девушка побывала в теле невесты и сама стала невестой! Здесь её покинул возлюбленный, а у той, средневековой двойняшки, такая же судьба? Но сейчас этого девушка узнать не могла, потому что отправилась совсем в другую эпоху.

Во всяком случае, оказавшись в мужском теле, причём её двойником оказался то ли китаец, то ли индус, девушка инстинктивно сжалась в комок и подумала о ладанке, которая должна была оказаться сейчас на шее двойника. Ладанка болталась на месте, потому что двойник в это время потрогал оказавшийся на шее посторонний амулет и стал соображать, что же это такое. Тут же к его сознанию постаралась подключиться девушка и уверила двойника, что ладанка подарена настоятелем храма, возле которого он стоял. Из храма вышло ещё несколько китайцев в чубах,¹⁷ и остановились рядом.

Подсказанная мысль оказалась как нельзя, кстати, потому что Шурочкин двойник оказался сам ламой тибетского монастыря Гомпа, и в сопровождении шестерых мужчин держал путь на высокогорный кряж Гималайского архипелага, где находилось тайное и очень важное для ламы место.

Он не уставал думать о цели путешествия, и скоро Шура поняла, что это не только святое, но очень удивительное место. Гора, куда направлялись китайцы, называлась Кайлас. Девушка напрягла память и вспомнила, что в какой-то из прочитанных ею книг говорилось, либо в горе Кайлас, либо возле неё находится вход в Шамбалу. Что это за гора и как до неё добраться не знал никто, даже Шурочкин двойник. Однако у него были несколько точных примет, которые лама случайно обнаружил в манускриптах, хранящихся в одном из дацанов.¹⁸

Выяснение точного адреса и времени, в котором Саша оказалась, пришлось отложить на потом. Достаточно было, что монах успокоился, поверив в подарок, и дальнейший путь в горы проделывал без волнения. Ведь, если подарок от настоятеля – значит, от Бога! А подарков Бога нельзя сторониться. Тем более, путешественников ожидал труднейший переход по Гималаям, которые являлись границей меж Индией и Тибетом.

Девушка обрадовалась, что двойник уверовал в подарок, и тоже попыталась успокоить себя, приняв посланное ей потоком времени тело, как данность и на всякий случай осмотрелась. Что говорить, любопытство не оставляло её никогда, как истинную женщину, а в данном случае – подавно. Всё-таки не каждой женщине дано распознать мужчину изнутри.

¹⁷ Чуба – тибетский нагольный халат

¹⁸ Дацан – ламаистский храм

Её двойник был, конечно, не просто мужчиной, а ещё и священником жёлтой религии ламаизма, но это создавало даже какой-то особый шарм. Во всяком случае, очень помогло избавиться от психологической депрессии, ещё недавно удушливой волной захлёстывавшей сознание. Тем более, тело мужчины носило особый запах!

Вообще-то, запахом простую вонь, исходящую от тела, назвать было трудно. Лама то ли не мылся от рождения, то ли монахам жёлтой веры просто запрещалось всякое омовение, только Шурочка в мгновение ока одурела от кисло-сладкого запаха пота, перемешанного с ароматом мускуса и свежего конского навоза.

Такая ароматическая гамма не могла не поразить, особенно женщину! Но что поделаешь, девушка сама переборщила с принятием дозы и оказалась совершенно в непонятном времени, в непонятном человеке, шедшим по каким-то своим делам в неизвестные края к таинственной горе с шестью странными попутчиками. Но выбирать не приходилось и девушке пришлось смириться с данностью. Во всяком случае, одно путешествие по Гималайскому архипелагу обещало доставить массу удовольствия и воспоминаний на всю оставшуюся жизнь.

После долгого утомительного перехода, отнявшего шесть ничем не отличающихся друг от друга дней, перед путешественниками открылся горный перевал. Чем выше в горы поднимались монахи, тем воздух становился более разряженным, но чистым. Это отметила даже Шура. Монахи, конечно же, не раз бывали в таких переходах, поэтому молча, безропотно шли за старшим. Наконец путешественники поднялись на самую высокую точку горного перевала и на недолгое время остановились.

Оказалось, это был не простой перевал, а подъём в высокогорное ущелье. Крутые жёлто-бурые скалы поднимались отвесно вверх, но меж ними виднелся довольно широкий проход. А в конце ущелья, словно диковинная египетская пирамида, возвышалась гора, увенчанная белой шапкой снега.

Вид этой горы заворожил девушку: высоко в горах была кем-то вздвигнута невиданных размеров пирамида? Как?! Какими средствами и механизмами?! Но, присмотревшись, девушка поняла, что гора в конце ущелья – не творенье рук человеческих. Это была вовсе не пирамида, а сотворённая Богом гора Кайлас, куда не смог подняться ещё ни один из живущих на нашей планете людей.

Поздний вечер грозился обрушиться на путников темнотой, которая в горах действительно обрушивается, как сель, как бешеная лавина. К тому же, люди настолько устали, что решили переночевать на краю достигнутого ими ущелья, тем более, что в этом месте всё-таки обнаружилось явное сооружение рук человеческих.

Оккупированное Шурочкой тело мужчины стояло возле какого-то, видимого культового сооружения, которое на вершине перевала занимало заметное, выгодное и почётное место на небольшой возвышенности. Отлогие склоны этого холма были покрыты густой изумрудной травой, а ближе к вершине росли ровные белесоватые кусты рододендрона, через которые вряд ли возможно было пробиться к самому сооружению.

Удивительный холм приковывал взор хотя бы потому, что нигде в высокогорном ущелье не было видно ни одного кустика, ни одной былинки. Везде только базальт, кварц, сланец и прочие горные породы, обнажившиеся на крутых склонах ущелья как украшения вместо отсутствующей растительности.

В следующую секунду девушка уяснила, то есть разобралась в мыслях своего двойника и поняла, что придорожное горное сооружение, окружённое альпийской травой, носило название Чортэнь.¹⁹ Видимо, в этих местах принято у дороги оставлять на небольших холмах моленные вехи.

¹⁹ Чортэнь – придорожная моленная (тибет.)

Чортэнь – древнее культовое придорожное сооружение с вертикальным полотнищем, украшенным десятками разноцветных шёлковых лент и хвостами яков. Такие встречаются по тибетским лэмам²⁰ и тропинкам в Гималаях на очень непредсказуемых местах. Да и сам Гималайский архипелаг можно ли назвать предсказуемым? Во всяком случае, проезжих и пешеходных троп на всём Тянь-Шане очень мало, а «белых пятен» наоборот – предостаточно.

Обрывистые здешние нагорья хранят тайну Белозёрья, которое, если верить преданиям, находилось или находится в этих краях, где живут старообрядцы, покинувшие русское Белозеро во времена гражданской войны семнадцатого века, развязанной патриархом Никоном и царьком Алексеем Михайловичем. Всё бы, может быть, на Руси сложилось иначе, если бы русский патриарх, считающий себя православным владыкой, не поклонялся Золотому Тельцу, принёсшему в Россию смуты и братоубийство похлеще княжеских междоусобиц, в царь не мнил бы себя владыкой мира, которому вольно всех казнить и миловать.

Здешние горы всегда были труднодоступными, даже во многих местах просто непроходимыми, поэтому, ни в Белозёрье, ни в Шамбалу дороги пока неизвестны, хотя во многих религиозных конфессиях существуют предания о таинственной стране Шамбале. Вернее, дороги эти всегда были известны, но только посвящённым. Именно эти посвящённые являются единственным связующим звеном между двух отдельных миров, существующих в одном временном пространстве с бредущими по разным дорогам представителями цивилизации.

Любопытно, что здесь поныне всякие грамоты и вести по населённым пунктам разносят лунг-гам-па, горные скороходы – это Саша тоже поняла автоматически. Поняла также, что оказалась в очень диких местах, куда монахи – их оказалось рядом с ламой ещё шестеро – забрели с целью посетить священное место.

Вот здесь, кажется, никогда не наступит победа научно-технической революции, так надоевшей Шуру в её технократическом веке. В горах люди жили и живут только по законам природы, полученным от Творца, а не сочинённым умудрёнными жизнью законниками, писарчуками и политиками. Планета – это тоже живое существо и не надо диктовать ей условий существования.

– Ом-мани-пудмэ-хум, – забормотал лама походную мантру, упав на колени перед Чортэнем. Вдруг на том конце ущелья, где находилась гора Кайлас, пространство озарилось пронзительным светом. Это одна из граней горы-пирамиды на несколько мгновений превратилась в огромное зеркало и отразила последние лучи заходящего Солнца. Шура непроизвольно взглянула в ту сторону и была не на шутку поражена: одну сторону горы, ставшую зеркалом, пересекал огромный тёмный знак Тетраскеле.²¹

Шурочкин двойник удовлетворённо кивнул и снова опустился на колени перед Чортэнем. Его спутники сделали то же самое. А Шура тем временем принялась разглядывать моленное место с висевшим при дороге полотнищем, потерявшим под солнцем, ветрами и дождями свой первоначальный цвет. Сейчас это была серо-грязно-лиловая тряпка с нарисованными на ней свежими письменами.

И тут сознание ламы сообщило подсевшему на жизненном пути «зайцу», что это соёмбо.²² Даже написанный текст стал Шуру понятен, как будто был написан на чистом русском:

«В огне ты пришёл, солнце и луна встретили тебя у дацана, но ты должен принести смерть, или же забрать её. Этому поможет Ян-Инь, единство истоков всего сущего. Это круговорот в прошлом, настоящем и будущем при помощи двух рыб. Значит, молящемуся решать – овладеть титанической силой или же оставить её под небом овладения».

²⁰ Лэм – дорога высоко в горах (тибет.)

²¹ Тетраскеле – античная свастика.

²² Соёмбо – Древнейшая китайско-монгольская идеограмма. Подорожные письма.

Двойник Шурочки оглянулся. За ним на молитвенных саджадах²³ стояли коленопреклонёнными шесть монахов в бардово-жёлтых одеждах. Девочка поняла, что спутники ламы тоже относятся ламаистской религии Бон-По, единственной и самой таинственной на Тибете. Впрочем, кого-нибудь чужого в этой компании просто не могло быть. Одно девушку удивило: монахи для молитвы пользовались ковриками, такими же, как и у мусульман! Это казалось невероятным. Впрочем, как незнающий религии человек может о чём-то рассуждать?

– Не опоздайте с изучением психической энергии в царстве Друк Юл, – услышала Саша свой надтреснутый старческий голос. – Не опоздайте с применением её...

Предоставьте старому миру бояться изучения психической энергии. Вы же, молодые, сильные и непредубеждённые, исследуйте всеми мерами и примите дар, лежащий у ворот ваших... Кто-то ждёт до сих пор Мессию для одного народа, это невежественно, ибо эволюция планеты имеет лишь планетарный размер. Именно явление всемирности должно быть услышано.²⁴

За многие дни путешествия по Гималаям, девушка уже успела привыкнуть к молчаливости монахов. Видимо, по дороге каждый отдавался чтению мантр и внутреннему созерцанию. Минувший в небытие день ничем не отличался от предыдущих и только вот здесь, возле придорожного Чортэня, прозвучала первая проповедь.

Шурочка наострила уши. Обращение монаха к братии – было действительно занятное, и множество мыслей мигом пронеслись в сознании девушки, но она постаралась отогнать всё досужие мысли.

– Я покажу вам сегодня часть подземного государства, – продолжил лама. – Все ищут вход на самой горе Кайлас, но он здесь, в Чортэне. Лишь немногие знают это, и только поэтому Зазеркальный мир ещё хранит мудрость, которая сможет возродить жизнь на нашей планете без лжи, убийств, стяжательства и трусости. Но центр Зазеркалья находится в Аркаиме, ибо оттуда начинается сегодняшний мир, уже не первый на этой планете. Именно Бог дарует нам знаки, чтобы каждый смог понять: для чего он пришёл в этот мир и что ему делать здесь, чтобы заслужить Божественную смерть. Возможность и умение умереть – это одно из самых важнейших завоеваний человечества, без которого никто и ничто не смогло бы существовать, потому что жертва равна Богу во всём...

С этими словами старец кинул на землю неприметный, на первый взгляд, бамбуковый жезл и базальт перевала перед Чортэнем раскололся, будто открылась диковинная дверь, обнажив вытесанную из синего гранита глыбу, покрытую какими-то письменами. Старец подошёл к ней, ухватился за вбитое в отёсанную скальную дверь кольцо, потянул, громко читая заклинания, и глыба легко поддалась.

– Каждый человек должен открыть дверь... – мгновенно вспомнилось Шурочке.

За второй необычайной дверью виднелись ступени, уходящие вниз, в темноту наклонной шахты. На стенах коридора беспорядочно примостились люминесцентные шары, очень похожие на обыкновенный лесной гриб-дождевик. Может быть, в пещерных пространствах Тибета водятся скальные грибы, излучающие свет, но Шура нигде больше такого не видывала. Во всяком случае, они своим слабым, но всё-таки освещением, помогали монахам не спотыкаться на ступеньках. Лестница в скале вывела их на площадку пещерного грота, облепленного такими же светящимися грибами. Никакого пути дальше не было.

²³ Саджад – молитвенный коврик

²⁴ «Община», книга бесед Н. Рериха с мудрецами Бон-По.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.